

Олег ЕРМЕЕВ

ПЛАТА

за перевоз

Олег Ернев

Плата за перевоз (сборник)

«Ернев Олег Аскерович»

2015

Ернев О. А.

Плата за перевоз (сборник) / О. А. Ернев — «Ернев Олег Аскерович», 2015

В книгу «Плата за перевоз» известного петербургского литератора Олега Ернева вошли три повести: «Плата за перевоз», «Дельфин просыпается» и «Страсти по Корнелию», написанные в стиле сюрреализма и абсурдизма. В основе всех трёх повестей лежит поиск смысла жизни каждого из героев, их попытки найти и удержать нравственный ориентир. Кантианский нравственный принцип «На том стою и не могу иначе», «Пусть погибну, пусть сожгут на костре» – отличает всех трёх, таких разных, героев повестей. Один из них воплощает этот принцип после смерти, двое других – при жизни. Все три произведения с полным основанием можно отнести к философским. В третьей повести «Страсти по Корнелию» любители Франца Кафки найдут явные отголоски его творчества. Автор и не скрывает, что является поклонником этого выдающегося представителя абсурдистской литературы.

© Ернев О. А., 2015

© Ернев Олег Аскерович, 2015

Содержание

Плата за перевоз	6
Дельфин просыпается	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Олег Ернев
Плата за перевоз (сборник)

© О. Ернев, текст, 2015

Плата за перевоз

Уже полдня Х-арн с Лидией ждали переправы на тот берег. Уже более полусотни раз перевозчик сплавал на лодке туда и обратно, перевозя массу людей. И каждый раз на вопрос Х-арна: «А когда же мы?» – он отвечал: «Ждите». Или вообще ничего не отвечал. Лето было в зените своего цветения (если только это было лето). Зной был такой, какой бывает в городах, расположенных в пустыне. Х-арн хорошо знал такие города и не думал, что когда-либо (и где-либо) ему придётся снова испытать их эмоциональное воздействие. То, что воздействие эмоциональное, ему пришло в голову только сейчас: слишком уж не соответствовало место, где люди ждали переправы, пустынному зною. Разумеется, атмосферные явления нельзя причислять к эмоциям. Впрочем, почему нет? Хотя сразу возникает вопрос: чьи эмоции, почему эмоции? То есть всё то, во что в своё время не верил Х-арн. Теперь же ему казалось, и даже он был убеждён, что зной, которым был напитан дрожащий над рекой воздух, содержал в себе чью-то волю, страстную, раскалённую и, скорее всего, враждебную. Судя по лицам людей, ожидавших переправы, они чувствовали то же самое. Нельзя сказать, чтобы лица эти выражали какой-то особый страх, хотя были среди них и такие, но в основном лица эти отличала странная глубокая сосредоточенность. И покорность всему, что бы с ними ни случилось. Будут ли их бить цепями, или рвать крючьями, или сажать на кол, или жарить живьём – они ко всему заранее приготовились. Впрочем, это субъективный взгляд Х-арна, а от долгого пребывания под солнцем... Но надо быть откровенным до конца: не очень-то он и вглядывался в эти лица, ни до автомобильной катастрофы, ни после. Он разволновался. Так ему казалось. На самом деле он нервничал. То, что вначале было воспринято как краткая заминка, стало длительным болезненным ожиданием. Он понимал, что волноваться глупо. Даже тогда, когда мы знаем свою судьбу (словно мы когда-нибудь её знаем), когда нами рассчитан до минуты завтрашний день (кто запрещает нам играть в детские игры?). Даже тогда, думал Х-арн, волноваться смешно и глупо, потому что в этом волнении теряется большая часть удовольствий. Но не глупее ли волноваться, когда каждый твой шаг ведёт тебя к гибели? Волноваться из-за того, что кто-то шаг этот замедлил, продлил. Да и что влечёт нас к гибели – наша природа или отклонение от природы?

Место, где совершался перевоз, было лесистым. Лес покрывал и склоны холмов, откуда спускались к реке люди, и тот берег реки, куда люди переправлялись, и где исчезали. И среди этой зелени только дорога белела, как посыпанная мелом. Говорят, что раньше вся дорога была усыпана щебёнкой известняка, но босые ноги людей истёрли щебень в порошок. Бессчётные количества людей прошли этой дорогой, дошли до этого места, переехали на ту сторону и спустились дальше. Куда? Этого Х-арн не знал. Он старался не думать об этом. Он лежал на песке, отбиваясь от слепней и мух, и смотрел на воду. Тёмно-коричневая, с цветом ржавчины по краям, вода слегка отдавала тухлым запахом сероводорода, и, как бы ни хотелось пить, запах этот отвращал от воды. Х-арн не заметил в ней никаких признаков жизни. Похоже, вода была мёртвой, как, впрочем, и следовало ожидать. Искупаться бы... Лидия словно уловила его мысли.

– Почему нельзя купаться в реке? – спросила она Х-арна.

Тот пожал плечами.

– Откуда я знаю. Ты же слышала: Лодочник запретил.

– Если и дальше так будет печь, я пошлю твоего Лодочника...

– Лидия...

– И тебя пошлю вместе с ним.

– Это я знаю, – вздохнул Х-арн, – это ты умеешь.

– Это я умею, – подтвердила Лидия, на всякий случай, чтобы Х-арн не сомневался. Она села на песке и, смачивая слюной палец, стала втирать слюну в трещины на ступнях.

«Словно ничего не произошло, – думал Х-арн, глядя на Лидию, – словно всю жизнь этого и ждала. Я не удивлюсь, если она сейчас запоёт». Но Лидия петь была не настроена.

– Не понимаю, – произнесла она, закончив процедуру с пораненными ногами, – не понимаю, почему нельзя купаться в реке.

«Это хорошо, что не понимает, – подумал Х-арн, – если бы понимала, обязательно полезла бы либо в воду, либо в драку. Впрочем, предчувствую, что в драку она рано или поздно всё равно полезет. Где Лидия, там заварушка». А вслух он сказал:

– У тебя нос есть? Понюхай, чем пахнет вода.

– Смотри-ка, какой ты стал разборчивый. Не поздно ли? Подумаешь, пахнет. Я знала одно подземное озеро с таким же запахом, а там все купались, и вода была такая же точно, как здесь, только другого цвета.

– То было Там, а это Здесь.

– Ладно, не спорю. Ну, и долго мы так будем сидеть?

– Ты же знаешь, что это зависит не от меня. Не пойдём же мы обратно.

– Так сделай что-нибудь. Испугай, пригрозь. Нет, лучше я сама...

– Прекрати, пожалуйста, мы не у себя дома. Мы даже не знаем, что нас ожидает.

Снова подъехала лодка. Прошуршав по песку днищем, она стала.

– Эй! – крикнула Лидия Лодочнику и приветливо помахала ему рукой. Лодочник даже не взглянул в её сторону. – Сейчас мы, да? – Лодочник положил весло на дно лодки и оглядел собравшихся на берегу людей. – Хам, – сердито проговорила Лидия, и снова Лодочнику. – А купаться можно?

– Я же сказал – нет. Это относится ко всем.

– А я искупаюсь, – шепнула Лидия Х-арну. – Вот увидишь.

– Глупо, – ответил Х-арн и боязливо повёл плечами. – Не советую.

– Потому что ты трус. А я искупаюсь. А что мне будет?

– Не знаю, – сказал Х-арн.

– Вот и хорошо. И я не знаю, – и посмотрела на Лодочника.

– Хам, – повторила она, не отрывая от него взгляда. – Но очень красив. – И произнесла задумчиво. – Интересно, здесь все такие или он один?

– Ты про хамство? – ухмыльнулся Х-арн.

– Ты тоже хам, – Лидия снова улеглась на песок. – Всю жизнь терпела хамов, красивых и некрасивых – один чёрт. Все вы хамы.

– А вы дуры, – обиделся Х-арн.

– Вот и прекрасно. А куда от дуры не денешься.

Людей, скопившихся у перевоза, было шестеро: двое мужчин, две пожилые женщины, одна старуха и мальчик. Женщины завистливо поглядывали на обнажённую Лидию, развалившуюся, как ящерица на горячем песке, блаженную и разнеженную, а старуха плюнула себе под ноги (если бы она не боялась, она бы плюнула, конечно, на Лидию) и, отвернувшись, забормотала какие-то проклятия, которые, кроме неё, никто не слышал. Мужчины же, как ни странно, слабо реагировали на представшую их глазам нагую женщину. Они только мельком отметили этот факт (если только отметили, а не скользнули рассеянно взглядом), и оба, тяжело вздыхая, что-то шептали про себя. И в глазах их была тоска, отчаяние и страдание. Один бил себя исхудалыми руками по голове, а другой, не замечая боли, выщипывал из отросшей неопрятной бороды волоски и бросал их на землю. Все люди, как давно уже заметил Х-арн, и те, что ушли вперёд, и те, что плетутся сзади – были одеты в одинаковую одежду. Даже если покроем отличался (отличие было незначительно), то сама одежда была сшита из грубой мешковины. Такая же одежда была и у Х-арна с Лидией. Правда, Лидия, когда становилось очень жарко, самовольно сбрасывала с себя этот декоративный холст, весь пропитанный солью и запахом тела. А сегодня и вовсе в него не облачалась. Но, по наблюдению Х-арна, Лидия была един-

ственной среди мужчин и женщин, кто на это отважился. И у Х-арна всё время ныло сердце от предчувствия, что Лидины, как он называл, «выкидоны», приведут их к какой-нибудь беде. Но беды с ними пока не случилось за всё время их длительного, тяжелого маршрута, вот только разве эта заминка на перевозе. Х-арн встал и подошёл к лодке.

– Значит так, – решительно произнёс он, стараясь, чтобы голос звучал не слишком робко. – Сейчас наша очередь.

Лодочник посмотрел на него как на какое-то насекомое и ничего не ответил. Это было возмутительно. Даже не верилось, что эта глыба раскрашенного в телесные цвета мрамора умеет говорить человеческим голосом. Но Х-арн сам слышал, своими ушами низкий, хриплый и – да, это надо признать – мужественный голос красивого рослого Лодочника. «Ненавижу!» – подумал Х-арн. А вслух сказал: «Но почему?» Лодочник выскочил на берег и пальцем пересчитал столпившихся. Х-арн решил, что торопиться пока не следует, и отошёл в сторону. Лидия насмешливо наблюдала за ним. Его взбесил её изучающий взгляд. «Сучка голая!» – выругал он её про себя, чтобы только оскорбить. Вслух он этого не скажет. А почему? Почему бы и не сказать? Но пока всё нормально. Лодочник на неё не смотрит. А это самое главное для Х-арна. Лодочник – вот в чём загвоздка.

– Вы! – ткнул пальцем Лодочник в собравшихся на берегу. – Полезайте в лодку. – Все шестеро, не исключая мальчика, порывшись в карманах, вытащили каждый по железному рублю и приготовились влезать в лодку. Первыми полезли мужчины. Они отдали каждый свою монету и, не переставая тяжело вздыхать, уселись на скамье. Вслед за ними – женщины. Последними – мальчик и старуха. У перевозчика на широком поясном ремне висел кожаный небольшой мешок. Все принятые деньги он ссыпал в этот мешок и взялся за весло. Мешок, по-видимому, был полон, потому что оттягивал ремень, и Лодочник дважды его поправлял.

– А нам, значит, что же? Ожидать? – спросила Лидия Лодочника.

Он и в этот раз ничего не ответил, но оглядел вопрошавшую уже не ядовитым презрительным взглядом, как вначале, а долгим, внимательным и даже удовлетворительным. Лидии показалось, что он погладил её взглядом. И ей это понравилось.

– А я всё-таки искупаюсь, – весело крикнула она ему.

Лодочник усмехнулся в колечки усов, упёрся веслом в берег и легко, как игрушку, стронул с места тяжело нагруженную лодку. Он грёб плавными широкими взмахами, почти не оставляя брызг. Искусством гребли он владел в совершенстве. И это тоже понравилось Лидии. И вообще, настроение её переменялось к лучшему, но, видя надутую физиономию Х-арна, она скрыла свою весёлость. Все сидящие в лодке смотрели в ту сторону, куда лежал их путь, только старуха обернулась на Лидию, сделала ненавидящие глаза, чуть было не сплюнула в воду, да вовремя спохватилась.

– Как ты думаешь, я могу ещё нравиться мужчинам? – спросила Лидия.

– Почему ты об этом спрашиваешь?

– Так. Хочу знать. Как ты считаешь, я понравилась этому типу?

– Какому? – не понял Х-арн.

– Лодочнику.

Х-арн подозрительно посмотрел на Лидию. Начинаются какие-то женские штучки. Опять начинаются эти женские штучки. Он-то думал, что все эти штучки навсегда уже позади, а штучки начинаются опять. Женщины не могут без этих штучек.

– Зачем тебе знать, понравилась ты ему или нет? Ты разве не видишь, что это робот какой-то, а не человек?

– Роботы не бывают такими красивыми, – улыбнулась Лидия.

«Ну, конечно же, я прав – начинаются Лидины штучки».

– Мне кажется, что ему уже ничто и никто не может понравиться, – буркнул Х-арн.

– Ты считаешь? А ты видел, как ловко он набивает мешок деньгами? У тебя так никогда не выходило.

– Профессия, – ответил Х-арн. – Ремесло. Я занимался другими делами.

– Это точно, – подтвердила Лидия. – Твоей профессией была я.

«В сущности, она права, – грустно подумал Х-арн. – Иногда она метко шутит. Женщина существо диалектическое, борьба самых невысказанных противоречий слилась в очаровательное единство. Не знаю, прав ли Гегель, но Лидия права: диалектике нас учит женщина».

– Ты права, – сказал он ей. – Ты моё ремесло.

– Которому ты так и не научился, – со смехом добавила Лидия. – Не огорчайся, впереди ещё много времени.

– Меня успокаивает одно, что у меня была одна из самых красивых профессий, – мягко сказал Х-арн.

– О! – глубокомысленно оценила Лидия. – Ещё не всё потеряно.

– Всё, – упрямо сказал Х-арн. Мимолётное чувство облегчённости покинуло его, и снова им овладела злость. «Упрямая тупица, – подумал он, – откуда такой бравый оптимизм? Неужели она не хочет видеть, что теперь всё кончено, всё, всё, всё». Х-арн был в отчаянии. Эта куриная слепота тоже свойственна женщинам. Сколько раз его подводила их куриная слепота, пока окончательно не погубила. И каждый раз он попадался на её ловко закинутый крючок. Ловко закинутый! Что ты врёшь, Х-арн. Просто ты глупый сом, который обожравшись, всё равно ищет чего бы ещё пожрать. Тоже мне, нашёл профессию – приручать бабу. Доприручался, пока не сообразил, что сам уже давно ею приручен. Всё позади. Всё рухнуло. Катастрофа. Помпея их жизни, всё под пеплом, раздавлено обломками, а она: «Как ты считаешь, Х-арн, я могу ещё нравиться мужчинам? Как ты считаешь, Х-арн, понравилась я этому типу? Не огорчайся, милый Х-арн, впереди ещё много времени». Конечно, много. Впереди – целая вечность. Подарок Богов или Бога. Вот вам, дорогие Х-арн и Лидия, от нас подарок в день вашей катастрофы – вечность. Нет, она не желает явно, упорно не желает понимать, она не видит этих смиренных отчаянных людей, идущих бесконечной цепочкой по этой, чёрт знает какой, дороге, она не понимает, что само это отчаяние входит в программу этого ритуального предварительного шествия. Куриная слепота: она ничего не боится. «Как ты считаешь, Х-арн, мужчины на меня смотрят? Как ты считаешь, Х-арн, у меня будет что-нибудь с Лодочником? Как ты считаешь, Х-арн, мне лучше быть голой или одетой? Как ты считаешь, Х-арн, отдаться ему сразу или попозже? Как ты считаешь, Х-арн... как ты считаешь, Х-арн, как ты считаешь. Х-арн, как ты считаешь, милый Х-арн...»

– Как ты считаешь, Х-арн, – услышал он голос Лидии, – мне выкупаться сейчас или попозже? – Х-арн расхохотался: неожиданное совпадение? Как же – совпадение. Для дураков. Телепатия? Фигулечки вам – телепатия. Просто Х-арн – это вторая Лидия. Точнее – просто Лидия. Они одно целое. Вот что я вам скажу. Мы – давно одно целое. Вот почему я не смог бы никогда её бросить, вот почему даже погибнуть мы могли только вместе, вот почему, даже сейчас, даже потом, никогда Х-арн не есть нечто отдельное от Лидии. Она и я – одно целое. Нечто неделимое. Вот почему у них и детей не могло быть и не будет, чтобы ничто их не разделяло. Потому что они неделимы. И глупость Лидии и сумасшествие Лидии. Они – одно. Не смешно ли? Смешно. Не глупо ли? Глупо. Как ты считаешь, Х-арн? Сейчас или позже? Тем не менее, как ты считаешь, Х-арн? Правда, мило? Не Х-арн ли ей сказал совсем недавно «не советую». Это не было сказано категорично, но ведь умный человек поймёт, что значит слово «не советую». Вы думаете, Лидия об этом помнит? Вы думаете, она слышала это слово? О единство противоречий, единство противоречий! О дорогие противоречия – источник развития... чего? Ах, Лидия, Лидия. Как ты считаешь, Х-арн? А ведь если Х-арн скажет: «Искупайся сейчас», – она лениво ответит: «Лень вставать, после». А скажет Х-арн: «Искупайся потом», она ответит: «Чего ждать, жарко», – и полезет в воду. Вот вам и второй закон диалектики, которую все-

цело и красноречиво воплощает женское существо: закон отрицания отрицания. Лидин тезис. Х-арн отрицает этот тезис, а Лидия отрицает отрицание Х-арна. Синтезирование по методу Лидии. Синтез налицо: Х-арн промолчал. Мгновенно синтезировав, то есть, восприняв молчание как знак согласия и одновременно как одобрение самостоятельности решения, Лидия встала и пошла к воде. У воды она нерешительно остановилась. Ага, побаивается.

– Так, ладно, – энергично тряхнув волосами, она вошла по щиколотки в тёмную, банно-пахучую воду. На этом пока дело кончилось. Лидия снова остановилась и крикнула Х-арну. – Здесь никакой гадости не водится?

– Не знаю, – рассеянно ответил Х-арн.

– Не водится, не водится, – услышал он чей-то насмешливый голос и, оглянувшись на него, увидел двух вновь подошедших мужчин.

– Вы уверены? – спросил Х-арн, чтобы определить вмешавшегося.

Оба с интересом наблюдали за Лидией. Скорей всего – вот этот, весёленький толстячок, очень уж голос был жизнерадостный. Второй мужчина был с впалой грудью и измождённым испытанным лицом. Х-арн не ошибся. Жизнерадостный толстячок сказал:

– Поверьте мне, первая гадость, которая здесь заведётся, будет женщина.

– Кха! Кха! Кха! – в приступе смеха закашлялся второй мужчина.

Х-арн нахмурился. Ему неприятен был взгляд этих дураков, как неприятна была шутка жизнерадостного толстячка. «Кстати, – подумал Х-арн, – как это он сумел остаться таким толстым, когда даже Лидия при всём её умении потеряла килограммов пятнадцать? Но это ей даже пошло на пользу. Не в меру она растолстела. А теперь вон какая. Не то, что я, – Х-арн посмотрел на своё отощавшее, ставшее жилистым (и, наверное, невкусным – почему-то пошутил он) тело. – Ну, ничего, – злорадно подумал он про толстяка. – Этого съедят в первую очередь, вон сколько сала». Лидия тем временем, наплевав на запрет, бухнулась в воду и поплыла. Ничего особенного не случилось, кроме того, что Лидия плыла в реке, в которой ещё никто никогда не плавал. От её плывущего (она хорошо плавала) тела расходились самые обыкновенные круги. И круги были круглые.

– Во даёт! – восхищённо сказал восторженный толстячок. – Прямо африканская лягушка.

– Что значит африканская? – почему-то обиделся Х-арн, словно ему не всё равно было, какая Лидия лягушка.

– А похоже, – ответил толстячок. – Ох, щас вон тот веслом ей даст по башке.

Чахоточный снова захкал и поддержал товарища.

– Ну. И сразу утопнет. Лягуха-то.

Лидия не слышала или делала вид, что не слышала. Х-арну захотелось врезать ей как следует, а заодно и этим двоим.

– Немедленно вылазь! – крикнул он, понимая, что сморозил чушь перед этими двумя.

Отдуваясь, как морж, гребя перед собой, она повернулась к Х-арну и приветливо помахала рукой.

– Послушайте, Вы что, женофоб? – взглянув исподлобья на толстяка, спросил его Х-арн.

– Да ну Вас, – весело ответил тот. – Что это у Вас всё выводы какие-то? Стоит поругать бабу и уже в женофобы записали. Еврея матюгнешь – и уже антисемит. Правда, Толя?

– обратился он к товарищу.

– Ну, – согласился охотно тот.

– Мне кажется, милейший, – продолжал толстячок, – что у Вас парадоксальные взгляды на жизнь.

– На жизнь? – злорадно усмехнулся Х-арн, довольный промашкой собеседника. Тот смутился.

– Ну, не знаю, как это назвать... Впрочем, если Вы читали Лао-Цзы...

– Читал, читал, – уже охотнее заговорил Х-арн. Ему впервые попался такой разговорчивый собеседник. – А Вы что же, и Лао-Цзы знаете?

– И Лао-Цзы, и Кришнамурти, и Раджнеша почитывали, – потирая от удовольствия руки, почему-то шёпотом произнёс собеседник.

– Ну, этого я не знаю, – Х-арн пожал плечами.

– Да бросьте Вы эти старые замашки, сейчас не те времена, – укоризненно сказал толстячок, но при этом сам невольно зыркнул по сторонам глазами.

– Нет, я в самом деле, не читал и не знаю, – искренне ответил Х-арн.

– Совершенно напрасно, дружочек, – он подмигнул Х-арну. – Тантра, знаете ли, забавная вещь. Хитрая такая штучка. Объёмная. Правда, Толя? – обратился он к своему спутнику, который, видимо, на все случаи жизни был у него под рукой.

– Ну, – ответил тот.

– Э-э... простите, – снова начал Х-арн. – Это тантра Вам сказала, что женщина гадость?

– Вы какую женщину имеете в виду? – мило улыбнувшись, начал толстячок, и ямочки на его щеках засияли. – Женщину вообще, как идею, в платоновском смысле слова или конкретно проявленную женщину, скажем, плавающую в водах священной реки? – При этом он повернулся и с долгим любопытством посмотрел на Лидию, которая повернувшись на спину, отдыхала на поверхности реки, широко раскинув руки и ноги. При этом он даже сделал кулаки биноклем, чтобы лучше её рассмотреть. Х-арн смутился. Он не ожидал увидеть в своём случайном собеседнике философа. Тот с видимым удовольствием переживал конфузливость Х-арна.

– Ну, я вообще, – замялся Х-арн.

– Ну а если вообще, так знайте, что женщину как идею я очень даже люблю и чту и ничего выше женщины в идейном смысле слова не поставлю, даже идея государственности для меня на втором месте после женщины. Но, простите, конкретное проявление женственности в конкретных обстоятельствах... сами понимаете...

– Да, да, конечно, – согласился Х-арн, смутно понимая, с чем он соглашается и, злясь на себя за эту торопливость, в которой он усмотрел свою подчинённость учёному толстячку.

– Так что, какой же я вам женофоб, милейший? Я в своё, знаете ли, время страшно обожал... Особенно вот таких... – Он снова навёл на Лидию самодельный бинокль и, помолчав, добавил, – я вот таких особенно... Это ваша женщина?

– Моя, – осторожно, нейтрально ответил Х-арн, не зная, сказать об этом с гордостью или с сожалением.

– Да, это заметно, – с глубокой задумчивостью в голосе произнёс собеседник. И опять было непонятно, порицал он Х-арна или...

– Спорим на что угодно, – продолжал толстячок, – что её зовут как-нибудь Лидия или Фидия, или Мидия... в общем, что-то в этом роде? Спорим? – улыбнулся он Х-арну. Причём улыбнулся так мило и настойчиво, что Х-арн, которого поразила пронизательность толстячка, ответил ему такой же улыбкой.

– Вы угадали. Её зовут Лидия.

– Почему это угадал, – обиделся толстячок. – Я просто знаю женщин, а этих в особенности, этих Лидий. Вот их-то я и любил больше всего.

– Зачем же Вы называли Лидию гадостью? – съязвил Х-арн.

– А Вы считаете женщину чем-то иным? – искренне удивился тот. – Человек вообще так устроен, что обожает всякую гадость. А эту, – он ткнул пальцем в выходившую из воды Лидию, – в особенности. Так вот, как всякий нормальный человек... ничто человеческое мне не чуждо.

– Простите, – возразил ему Х-арн, – мне кажется, что это у Вас парадоксальные взгляды...

– А мне наплевать, – равнодушно ответил тот, – как хотите, так и считайте. Впрочем, Вы счастливый человек, – и он ещё раз с видом знатока оглядел Лидию.

Она только что вышла из воды и вся золотисто-бронзовая выкручивала длинные, почти до пояса отросшие волосы.

– Диадема, венец, елочная игрушка, – с форсированным восхищением заключил толстячок. – А, Толя? – Толя покашлял в знак согласия, и черты его плохо очерченного лица, точнее, перечёркнутого различного рода и направления морщинами, смялись всмятку. По всей вероятности, Толя улыбнулся. К тому же восхищённый толстячок толкнул его и он, схватившись за грудь, как китайский болванчик, закивал головой, зайдясь в приступе кашля. – Нет, нет, Вы счастливчик, – окончательно заключил толстячок, и глаза его завистливо сверкнули.

– Вы это серьёзно? – скептически ухмыльнулся Х-арн, задетый тем, что в его положении его ещё могут считать счастливым.

– Конечно. Расположились как на пляже, загорают себе... голенькие.

– Так в чём же дело? – мрачно буркнул Х-арн. – Присоединяйтесь. Места много.

– Э нет, голубчик, это Вы можете, а мы своё дело знаем, – и он ещё раз взглянул на Лидию. – Русалка. Богиня. Эллада.

– Вы, наверное, чего-то недопонимаете, – попытался объяснить ему Х-арн то, чего и сам не понимал, вдруг поймав себя на тоскливой мысли, что ему очень хочется кому-то пожаловаться. – Нас не берут с ней вместе, понимаете?

– А по отдельности? – с любопытством спросил словоохотливый толстячок. И, противно рассмеявшись, тут же добавил. – Впрочем, меня это не касается.

– Вы шутите, – со злой обидой сказал ему Х-арн, – а я-то думал, Вы поможете мне выпутаться из положения.

– Смешной человек. Ничего я не шучу. И выпутывайтесь сами как знаете. Устал я с Вами. И мухи загрызли. – Толстяк сорвал веточку и яростно стал отбиваться от мух и слепней, потеряв всякий интерес к Х-арну. Х-арн не стал навязываться.

Лидия распластавшись, лежала рядом, обнажённая, влюблённая в солнце и песок, влюблённая, как всегда, в себя. Она ничего не понимает и не хочет понимать, она не делает никакого различия. Толстячок со своим человекообразным Толей сидели на корточках и с любопытством смотрели, что делается на том берегу. Х-арн был на редкость самолюбив, и это неожиданное равнодушие к нему философствующего толстячка, к которому он даже успел уже привыкнуть и почувствовать какую-то симпатию, больно его ударило. Он тоже перевёл глаза на тот берег, с тоской почувствовав, что с толстячком ему больше не видется и не говорить.

На том берегу Лодочник высадил людей, вытащил на песок лодку и, сполоснув в реке руки, вытер их о свою густую шевелюру. Потом отстегнул от пояса кожаный мешок с деньгами. Встряхнув им, он направился к стоящему невдалеке дощатому домику, напоминающему миниатюрную летнюю дачку. Одним пинком ноги он открыл дверь и скрылся.

Люди, которых он высадил, все как один повернулись лицами к реке, прощаясь взглядом с дорогой, которой они пришли к переправе, грустно повздыхали и побрели туда, куда лежал их новый путь. Молчаливая суровость Лодочника не предвещала никому из них ничего хорошего.

Лодочник вышел из своей летней дачки (Х-арну почему-то вспомнилась Рига, река Лиелупе, один из её рукавов, сплошь покрытый малюсенькими дачками, наподобие этой). К поясу Лодочника теперь был пристёгнут пустой мешок, а в руках он держал какой-то свёрток. Лодочник сел в лодку. В свёртке оказались бутерброды, на которые он с жадностью набросился.

На этом берегу всё замолчало, сражённое зноем. Лидия лениво лежала, отдыхая после купания, собеседник Х-арна сидел в знакомой Х-арну йоговской позе Сиддхасана, и лицо его выражало блаженство. По-видимому, он медитировал. Может быть, он медитировал на своих воспоминаниях о женщинах, которых он ставил превыше государства. Подошедшие новые лица негромко приветствовали сидящих, но, видя, что те не отвечают, тоже уселись ждать,

стараясь быть по возможности незаметнее. Постепенно и Х-арн отдался во власть полудрёмы, полувидениям. По-настоящему задремать Х-арну никогда не удавалось. Но в таком вот состоянии (видимо, это было состояние предельной усталости), когда ему удавалось отключаться от своих переживаний, перед ним вставала смена реалистически виденных картин, а может быть, событий (он не знал, как правильно определить виденное). Вот и сейчас их легковая машина неслась по Загородному проспекту в направлении Силеногорска. Они ехали на свою дачу. Машину вела Лидия. Виноват, конечно, он: нельзя доверять руль раздражённой женщине. Впрочем, он хотел поменяться. Она не согласилась. «За жизнь свою дрожишь? Успокойся. Оставляю я тебе твою жизнь, оставляю». В этот раз они ссорились из-за мебели. Она хотела продать гамбургский гарнитур, резной, чёрного дерева, и купить венецианский, светлый, для чего нужно было переклеить обои в комнате. Этот гарнитур в единственном экземпляре хранился на мебельном складе для дипломатического корпуса Республики Мали. Но мэр города Бомако, с которым она познакомилась на вечере в Доме учёных, где Лидия работала главным бухгалтером, пообещал хлопотать, и хлопоты его увенчались успехом. Платите и берите. А какой гарнитур? А? Роскошь?

– Анекдот, – сказала Х-арну Лидия в ту же ночь в постели. – Фантастика. Какой-то черножопый эфиоп... одно слово, и гарнитур наш. Скажи, Х-арн?

– Они не эфиопы.

– Какая разница, Х-арн, всё равно черножопый.

– Хотел бы я быть таким «черножопым», – со злостью ответил Х-арн и погасил лампу.

Но Х-арна не интересовал венецианский гарнитур. Х-арн сейчас был увлечён машинами и последней маркой видеомагнитофона, который ему привезли из Японии. За видеомагнитофон он ещё не выплатил последнего взноса. Отдать надо было русской иконой. И Х-арн колебался. Он боялся продешевить. Он боялся, что икона уйдёт за границу. Он боялся криминала. Если бы не эта ссора, он, может быть, что-нибудь заметил, а так он увлёкся, раздражённый и злой, потерял бдительность. Вечно они ссорились с Лидией то из-за кооператива, то из-за машины, то из-за дачи, а чаще всего из-за тёщи. Когда они доехали до мраморной скульптуры Силена, они всё ещё ссорились. Силен держал на коленях по голенькой нимфетке, одна из которых вцепилась ему в бороду, а другая прижимала руку пьяного божества к своей каменной груди. Второй рукой мраморный фавн прикрыл нежный бугорок Венеры одной из нимфеток, отчего на лице её нарисовалось неопишное блаженство. Даже сквозь мрамор чувствовалось, как в бугорке этом пульсирует юная, жаркая кровь. Силен улыбался и словно подмигивал Х-арну, как бы говоря: «Бросай старух, приятель, и переходи на школьниц. Коротенькие платьица и крутые ягодицы – вот высшая поэзия чувственного мира». Х-арн завидовал Силену, однако Лидию бросать не собирался.

От Силена, обозначавшего начало Силеногорска, дорога сворачивала влево и вниз к морю. У самого моря располагалась их дача. По дороге к даче и до самой дачи они всё ещё ругались. И, конечно же, в этой бестолковой ругани он ничего не заметил. Да и что он мог заметить? Эти люди работают так, как вилами на воде пишут: никаких следов. Это, пожалуй, единственный аппарат в государстве, который работает чётко и бесшумно, как мотор самой комфортабельной американской марки. Правда, тёща потом на свидании давала ему понять, что она якобы делала знаки глазами и даже руками махала с риском для жизни (она всегда всё делала с риском для жизни: мужа отхватила с риском для жизни, кооператив – с риском для жизни, заграничную путёвку – ну, это понятно, тут никто не спорит). Но тёща врёт. Впрочем, чёрт её знает, может, и не врёт... Хотя тёще, знаете, верить. В общем, их взяли с Лидией тут же на даче, как только они въехали в ворота. Да и в том ли суть, что они не заметили? Какая разница, где бы их взяли: на даче или в кооперативной квартире, или, ну это вряд ли, на вечере в Доме учёных.

Х-арн очнулся. Стук копыт испугнул его видения, чему Х-арн был очень рад. Видения эти, как кошмарный сон, преследовали его даже здесь. Зной висел в воздухе, и, казалось, он повис навеки. Ничего не изменилось за это время, что Х-арн пребывал в каком-то другом, дурном, как ему теперь казалось, мире, представления о котором он имел теперь смутные, нереальные и болезненные. Он даже совсем хотел бы искоренить память о нём, но знал, что это невозможно и что за всё придётся предъявлять счёт.

Стук копыт, похожий на лошадиный, окончательно вернул Х-арна в реальность. Он увидел возле себя лежащую Лидию, расслабленную, как кошка и снова мокрую (значит, она успела за это время ещё раз выкупаться). К толстячку и его спутнику, всё так же задумчиво глядящим на тот берег и утратившим свою весёлость, присоединились три женщины, одна из них совсем молодая. Женщины сидели на песке в скорбных позах, обхватив головы руками в ожидании переезда. Стук копыт раздался отчетливее и уже не прекращался. Он доносился с противоположного берега. Потом он стал громче (Х-арн ещё не успел подумать изумлённо, откуда в таком месте лошади) и на белую, раскалённую зноем дорогу вышел Кентавр. Х-арн подумал, что у него галлюцинации и что, может быть, ему и правда не мешает искупаться. Но видение не рассеивалось. Это был настоящий Кентавр. Он постоял некоторое время на дороге, как это делают дикие животные, потом подошёл к реке, согнул передние ноги и, подломившись, стал пить прямо из речки, припав к ней ртом.

– Лидия, – воскликнул Х-арн. – Ты погляди! – Лидия привстала и посмотрела в сторону, куда указывал Х-арн. Она увидела Кентавра и радостно вскрикнула.

– Ой, Х-арн, какая прелесть! Это же Кентавр. Какая прелесть!

«Нет, – подумал Х-арн, – женщину ничем не удивишь. Эту женщину, – поспешил добавить он, зная по собственному опыту, что другие женщины удивляются часто и охотно, особенно если удивление их хорошо оплачено. – Нет, но Лидия, Лидия-то какова. Прелесть. Словно мы в зоопарке».

Кентавр тем временем напился, поплескал в лицо водой и, поднявшись, направился к Лодочнику. Лодочник к этому времени уже кончил трапезу и стряхивал с голых колен крошки, которые прилипли к телу. Они с Кентавром пожали друг другу руки, после чего Лодочник сходил в свой домик и вышел оттуда через минуту уже с огромным мешком, который он нёс как куль муки, на заливке. Мешок, так же, как и маленький поясной, был из кожи и так тяжёл, что, когда Лодочник взвалил его на Кентавра, у того слегка подогнулись передние ноги. Кентавр обхватил мешок руками, сказал что-то Лодочнику. Тот кивнул. И Кентавр неторопливой гарцующей походкой удалился в лес. Причём, если Лодочник нёс мешок на заливке, как это делают грузчики, то Кентавр, у которого мешок лежал на крупе, придерживал его вывернутыми назад руками, что поразило Х-арна неестественностью положения. Но потом, когда звучные шаги Кентавра растаяли в сухом воздухе, Х-арн понял, что это положение неестественно для людей. А Кентавру так, наверное, было удобно.

– А что в мешке, Х-арн? – почему-то заинтригованным шёпотом спросила Лидия.

– Не знаю, – Х-арн пожал плечами. – Быть может, деньги.

– Лопатой они прямо гребут. Вот тебе бы, Х-арн.

– И что было бы? – иронично спросил Х-арн.

– Глупый человек. Деньги были бы.

Лодочник столкнул лодку на воду и, лениво помахивая веслом, направился к берегу, где столпились ожидающие. Он грёб, стоя в лодке, едва окуная весло в воду, почти не делая никаких усилий для толчка, тем не менее, лодка шла ровно, плавно, без рывков, а весло совсем не оставляло брызг. «Мастер!» – подумал Х-арн. И вдруг ему захотелось вскочить в лодку, взять в руки весло и вот точно так же, как этот... легко, без усилий, плавно, неторопливо. Не боясь зноя, в одной шкуре на голое тело, таким же могучим, красивым, угрюмым, диким. Воспалёнными от зноя глазами сквозь едкие от пота слёзы смотрел Х-арн на Лодочника и по

мере приближения того к берегу чувствовал, что этот человек несёт ему что-то новое, неожиданное, суровое. Сердце его болезненно сжалось. На этот раз Х-арн решил быть более настойчивым. Чутьё подсказывало ему, что промедление может оказаться для него роковым. Что, собственно, произошло? Он не понравился Лодочнику? Или за Лодочником стоит какая-то высшая сила и Лодочник – только её орудие? За ними следят? Их действия направляют? Так ли уж необходимо ему, Х-арну, на тот берег? Стремятся туда люди по своей воле или их влечёт чужая воля? Все эти вопросы, рождавшиеся в мозгу Х-арна, тут же и умирали, не получив ответа. Главное – переехать, а там уж всё пойму, упрямо подумал Х-арн. И, крикнув: «Лидия, пошли», схватил за руку Лидию и растолкал скопившихся.

– Сейчас наша очередь! – с вызовом бросил он в лицо Лодочнику. Ему никто не возразил.

– Дай одежду-то взять, – Лидия вырвала руку и пошла за своей мешковиной. В пылу азарта Х-арн даже не обратил внимания, что она так и осталась обнажённой. Лодка с приятным шорохом потёрлась о песок и остановилась.

– Вот так! – повторил Х-арн Лодочнику, стараясь унять разволновавшееся сердце. – Понял? Сейчас наша очередь. Моя и... – он поискал глазами Лидию, которая подходила с мешковиной в руках, – и её. Понял? Всё. Мы едем.

– Деньги! – коротко отрезал Лодочник, не глядя на Х-арна.

Все стали рыться в карманах. Х-арн тоже. Дрожащими руками он не мог найти монету, его пронзил ужас: неужели потерял?! Наконец монета нашлась.

– Вот! – вытащил её Х-арн и повертел перед носом у Лодочника.

Тот отстранил его руку и приказал: «В лодку!»

– Лидия! – крикнул Х-арн. От волнения он весь засуетился, словно ловил и никак не мог поймать такси.

– Не кричи, здесь я.

Толпа молча расступилась, пропустив Лидию вперёд. Она вошла, так и не накинув свою мешковину, не обращая ни на кого внимания, с загадочной усмешкой на губах. Шла красивая сорокалетняя нерожавшая женщина, в меру похудевшая, сохранившая рост и формы, что выделяло её среди всех присутствующих особ едва различимого пола. Она шла, аппетитно подёргивая половинками круглого загорелого зада, тугие груди вздрагивали при каждом шаге. Лодочник длинным взглядом прошёлся по Лидии, но по лицу его нельзя было сказать, какое впечатление произвела на него Лидина красота. Тем не менее, Лидия вглядывалась в его лицо. Ей важно было узнать, увидел её Лодочник или не увидел. Лидия подошла и стала плечом к плечу с Х-арном.

– А, ты здесь, – удовлетворённо кивнул Х-арн и приготовился войти в лодку. Лёгким нажимом руки Лодочник оттеснил Х-арна так, что, если бы толстячок, бывший собеседник Х-арна по женскому вопросу, не поддержал его, он упал бы.

– Насилие! – шёпотом сказал Х-арн, чувствуя, что губы его покрылись шелухой. Он рванулся из рук толстячка и наткнулся на взгляд Лодочника. В том взгляде не было никакого зла и никакой личной ненависти или неприязни. Была только непреклонная решимость не пускать Х-арна в лодку. Х-арн облизнул растрескавшиеся губы.

– Деньги, – жёстко повторил Лодочник, видимо, не любивший какого бы то ни было рода заминок. Все уже приготовили деньги и, обходя упрямо стоявшего у носа лодки Х-арна, стали взбираться в лодку. Х-арн подавленно стоял, потупив в землю глаза. Он всё равно ничего не видел, потому что взгляд его размывали слезы. Лидия стояла рядом, держа в руках свою мешковину, явно не намереваясь её надевать. Казалось, после купания она стала ещё золотистее от загара, стройнее и выше. Она стояла прямо перед Лодочником с насмешливой улыбкой. Грубый поступок Лодочника только увеличил в ней дерзость, и она сказала, вызываясь глядя на перевозчика.

– Слушай, таксист. А если я не дам тебе рубля, за так провезёшь?

– За какой так? – чуть дрогнув губами, спросил Лодочник и ещё раз лениво и плавно, как грёб, обошёл взглядом золотистую Лидию.

– За ТАКОЙ, – ответила Лидия, внимательно следя за его взглядом.

– Лидия! – сорвавшимся голосом прошептал Х-арн. – Немедленно перестань, ты нас погубишь.

– Ну, так что?

– Поглядим, – сказал тот после недолгого молчания.

– Не нагляделся, что ли? – улыбнувшись, спросила Лидия.

Х-арн смотрел на угрюмое, заросшее чёрными колечками лицо Лодочника, и ноги его мелко дрожали. Эта Лидия его погубит. Или спасёт. И вдруг каменное невозмутимое лицо Лодочника дрогнуло, словно слова, сказанные Лидией, вошли в его кровь и изменили её состав. Губы, всё время сжатые (казалось, их не разжать даже лезвием ножа), отлепились одна от другой, и чёрная трещинка меж ними изменила свою линию. Впервые за всё время Лодочник улыбнулся. Это была самая настоящая улыбка, и сотворена она была Лидией. Что предвещает улыбка этого дикого жреца? Что обещает она Х-арну: успех или?.. Лидия захлопала в ладоши и закружилась на месте в каком-то первобытном танце.

– Тра-та-та! Ля-ля-ля! Оп-ля! Чух чах ча-ча-ча! – кричала она, размахивая руками. – Это сделала я, я добила своего. Он теперь нас повезёт. Х-арн, скажи спасибо мне! – Лодочник довольно внимательно смотрел на пляшущую вакхическую Лидию, а Х-арн смотрел на Лодочника, и его распирала злость. Неужели он перевезён будет только благодаря чарам женского тела? Неужели ему снова придётся платить Лидией. И снова, в который раз, он будет обязан женщине за право на существование. Женщине. Лидии. Этой, вылизанной удачей самке, только потому, что судьба вылепила её формы более привлекательными для глаз, нежели у других женщин. Снова быть обязанным ей. Чтобы при каждом удобном случае, она, сощурив ехидно глаза, ставшая сразу похожей на тещу, оскорбительно елейным, преувеличенно спокойным голосом повторяла: «Х-арн... милый, не надо спорить. Вспомни...» О, этот садистский тон, когда тобой овладевает бешенство и хочется исхлестать её по щекам, потому что в этом «помнишь» всегда слышен запах её тела. Это ревность, Х-арн? Это бессилие перед женщиной, Х-арн? Это любовь, да, Х-арн? Не знаю, не знаю, не знаю, что это – гневно думал (если только в гневе можно думать) Х-арн. Но мне абсолютно наплевать на её победы. Пусть побеждает, как хочет, чем хочет. Пусть побеждает для самой себя. А с меня хватит. Иначе я её прикончу. Или он (Х-арн посмотрел на Лодочника, Лодочник смотрел на пляшущую Лидию), да... или он меня прикончит. Или я всё-таки перееду на тот берег сам. И катись всё к чёртовой матери. И, воспользовавшись тем, что внимание Лодочника было отвлечено Лидией, он обошёл Лодочника и сел в лодку.

Лидия кончила свою вакхическую пляску, и теперь сам Лодочник похлопал ей в ладоши. И в третий раз сказав: «В лодку», он сам вступил в неё первым и вдруг увидел сидящего в ней Х-арна. Суровое лицо его нахмурилось. Ни слова не говоря, он взял Х-арна за шиворот и, размахнувшись, перебросил его через головы сидящих в ожидании людей. Х-арн чудом не сломал голову, но больно ударился плечом и носом. Вдобавок, что-то хрустнуло в шее, и голова перестала вертеться. Из носа шла кровь, правда, не очень сильно. Х-арн задрал голову кверху. Несколько капель крови упали на песок.

– В следующий раз, – пообещал без всякой злости Лодочник, – я отрежу тебе... – и он оглядел Х-арна, словно отыскивая, что бы такое ему отрезать, – уши, чтобы ты лучше слышал слово «нельзя».

– Можно, – сквозь душющие его рыдания шёпотом сказал Х-арн. – Можно! Можно! Можно!

Но Лодочник уже не слышал ни бесшумного рыдания Х-арна, ни слова, которое он отчаянно вколачивал в себя. Он собрал деньги, побросал их в мешок и отчалил. Он не взял ни Х-

арна, ни Лидии, несмотря на то, что места в лодке хватило бы и на них. Правда, перед тем как отчалить, он ещё раз улыбнулся Лидии, и в его взгляде было что-то такое, что заставило её задуматься.

Зной сгущался. Солнце вытапливало сало из всего, чего касались солнечные лучи. Из леса наплывали вязкие смолистые запахи. Тягучий густой воздух стал осязаем. Казалось, его можно сгрести, захватить руками, как горячий гипс, скомкать, размять и слепить из него что-нибудь, например, Лидию, а потом, когда вместо Лидии получится какая-то странная неуклюжая фигурка, снова всё скомкать и выбросить комок в речку. Х-арну казалось, что голова его увязла в этом смолисто-липком запахе, как жук в янтаре, и он никогда её не вытащит. Да и вытаскивать не было охоты. Мысли навеки были запечатаны янтарной смолой, войдя в бессмертный поток молчания. Прошли века, а Х-арн всё сидел на раскалённом песке, как Будда под ветвями священного дерева. Загадочная улыбка блуждала на его окрашенных вытекшей из носа кровью губах, и это был не Х-арн и не Будда, это был Рамзес Второй, а может Третий, он потерял счёт Рамзесам (то есть, самому себе), он был египетский фараон, и мудрым, слегка подбитым глазом, он созерцал хождение светил. Он видел, как спариваются животные и спариваются люди, и он не отличал одно от другого, и соприкосновение губ не отличалось от губительного соприкосновения планет. Х-арна, Будду, Рамзеса Первого, Второго, Третьего окружали экскурсанты, и очаровательная девушка-экскурсовод эротично водила по нему указкой, что-то объясняя слушателям. И во время объяснения дети этих скучающих ротозеев выцарапывали на нём неприличные слова и знаки. На груди у сидящего были начертаны слова: «I Love ЛСД» и «А у Ваньки – встанька», на коленях выцарапан значок пацифистов, а на голове фашистский крест. Фашистский крест пытались замарать, но замазка оказалась другого цвета. Какой-то мальчик, сняв штанишки и выгнув тело дугой, с чувством пописал на сидящего Х-арна. А девочка, стоящая рядом, следила за этим процессом с неопишуемой завистью. Мальчику влетело от мамы: она в кровь разбила ему нос, шваркнув ладонью по лицу. (В этом месте надмирный буддообразный Х-арн потерял бдительность и пережил мимолётное чувство удовлетворения.) И вдруг... слой янтаря треснул, как скорлупа ореха, и голова Х-арна высвободилась из вечности. Да и песок раскалился так, что сидеть на нём уже было почти невозможно. И вода влекла к себе своими прохладными глубинами, но природная трусость брала верх, и Х-арн не осмеливался нарушить запрета. А Лодочник постоянно перевозил прибывавших людей, взимая с них плату – неизменный железный рубль, который у каждого оказывался в кармане, как и у Х-арна с Лидией и, казалось, не обращал никакого внимания на солнечные лучи, от которых он не был защищён. Он просто делал своё дело со стоической невозмутимостью, и непонятна была причина этой стоичности: вера, или наказание, или выгода? Что толкает его на такое подвижничество? Х-арн всегда с недоверием относился ко всякого рода подвижникам, считая их шарлатанами. Но плоды этого гигантского труда налицо: перевезённые люди, как правило, оборачивались лицом в ту сторону, откуда прибыли, тяжело вздыхали и исчезали в белой пыли, поднятой босыми ногами. Не видно было, чтобы кто-нибудь из них поблагодарил Лодочника, а если бы и попытался, то увидел бы презрительно сжатые губы и равнодушные глаза. Это называется подвижничество? А швырнуть Х-арна в воздух, словно он летательный аппарат – это тоже подвижничество? Дикарь и недоносок. Силы стали возвращаться к Х-арну, их притащила с собой ненависть. А Лодочник возил и возил, не обращая внимания на исключённого им из общего потока людей Х-арна. Зато Лидии он с каждым возвращением на этот берег махал приветственно веслом. А Лидия отвечала ему улыбкой и шевелила в воздухе пальчиками поднятой руки. И, что окончательно взбесило Х-арна, стала даже посылать ему воздушные поцелуи. А пыль на той стороне не успевала улечься, как новая партия людей, перевезённых с этого берега, начинала месить её босыми ногами.

Зной сгушался. Казалось, что жир, вытопленный из земли, разлился в воздухе, и воздух уже можно было глотать. Деревья, облака, люди на берегу мелко подрагивали в воздухе, изменяя свои очертания, словно отражаясь в прозрачном потоке. Какие-то серебристые нити длинными косыми паутинками летали по воздуху, похожие на паутинки в бабье лето. Эти паутинки сплошь облепили Х-арна и Лидию. И Х-арн видел, с каким грустным, задумавшимся лицом Лидия снимает их с себя и, подув, пускает по ветру. Ему очень хотелось спросить, о чём она задумалась, но – дурацкий характер – он не смог пересилить себя из-за обиды на неё. Х-арн сделал открытие: он ревновал Лидию. Х-арн сделал открытие: Лидия ему дорога. Он не хотел бы, не мог бы потерять Лидию. Мало того, он вдруг осознал, что потеря эта равна ужасу, пустынному одиночеству, смерти. Ах, всё, что угодно, только не это. Ну что же ты, Х-арн, скажи об этом Лидии, каждое откровение должно быть разделено с другим. Скажи ей это. Она поймёт. Она, может быть, перестанет кокетничать с Лодочником. И снова, в который раз, при упоминании Лодочника сердце Х-арна сжалось, да так больно, словно кто-то закрутил его в узел. Нет, это не просто кокетство, и Х-арн это видит, он видит, он чувствует, что с каждым переездом Лодочника тот по частичке увозит Лидию с этого берега на тот. С ЭТОГО на ТОТ. И Лидия не противится этому. Она безропотно, и даже с желанием, и, может быть, даже с наслаждением, позволяет отщипывать от себя кусочек за кусочком и увозить навсегда от Х-арна. Скажи же об этом Лидии, Х-арн, скажи, пока не поздно. Скажи, что ты всё понял, всё видишь. Может быть, она одумается, поймёт, пожалеет. Но Х-арн молчал. Х-арн молчал и, туго спелёнутый обидой, в тоскливом безмолвии смотрел на реку, в которой Лидия не побоялась искупаться и в которую не решается вступить он, Х-арн.

Неожиданно по земле протянулся длинный холодный сквозняк. И снова стало жарко.

«Почему Лидия искупалась, и ничего не произошло? – размышлял Х-арн. – Что будет, если все начнут купаться в этой реке? Но нет, это невозможно. Такого никогда не будет. А потом, кто сказал, что ничего не произошло? Нам подавай только видимые факты. Да ведь и их не хватает. Мы люди грубые. Мы ждём, что после нарушения запрета на нас обрушится небосвод или провалится под нами земля, и удивляемся, что ничего не происходит. Но ведь это неправда. Ничего не может не происходить. Разве не известно это со времен Гераклита Тёмного. И не потому ли он всё ещё для нас Тёмный, что темны – мы сами?» – рассуждал Х-арн, сам удивляясь, как это в его голове сумели сохраниться обрывки университетских знаний. Всё течет, всё изменяется. В одну реку нельзя вступить дважды. Лидия вступила в реку одна, а вышла из реки – другая. Другая Лидия с нетерпением ожидала приезда Лодочника и посылала ему воздушные поцелуи. Сколько они с Лидией торчат на этом берегу? Полдня? День? Год? Кто сосчитает время? Она не просто вступила в реку. Вступив, она перешла на тот берег, оставив Х-арна на этом берегу. Если бы и Х-арн мог вступить в эту реку и выйти из неё другим Х-арном. Но он боялся. Он боялся этой реки. Он боялся Лодочника, преградившего им путь. Он боялся этого места. И вновь смутное чувство тревоги кольнуло сердце Х-арна. Он уже не сомневался, что остановка эта не случайна. Что-то должно произойти – ужасное или прекрасное. Впрочем, не точнее ли будет сказать «ужасно-прекрасное»? Опыт научил его, что одно похоже на другое, что даже ужасное содержит в себе некий элемент прекрасного, а прекрасное корнями своими произрастает в глубь ужасного. Х-арн втянул голову в плечи, чувствуя, что он вот-вот зарыдает.

Прошедший сквозняк, словно нарочно, продул пространство. Несколько минут оно оставалось ясным, безмятежным, безмолвным. Исчезли куда-то оводы, мухи. Не грызла больше мошकारа, от укусов которой Х-арн расчесал себя до крови. В напряжённой повисшей тишине раздавались только плеск слабых волн о борт лодки, звук стекающих с весла капель и крик какой-то птицы в лесу. И вдруг всё изменилось. Небо заволочло чёрными грозowymi тучами. Казалось, что вся эта воздушная громада по какому-то сигналу зашепила к переправе, нагромождалась над ней в каком-то сюрреалистическом архитектурном сплаве, ожидая только при-

каза ринуться вниз могучим неистощимым потоком. И вместе с тем, эти величественные, выпуклые формы, налезавшие друг на друга, сминающие друг друга и увеличивающие тяжесть небосвода, были похожи на театральный занавес, за которым скрыта готовая к выступлению трагедия. Прошло ещё несколько минут в напряжённом безмолвии и тучи, не выдержавшие собственной тяжести, надломились прямо над дорогой, выпустив обойму сверкающих молний, потом небо разорвалось с оглушительным треском прямо над головами, и хлынул ливень. Одна из молний, толщиной с руку, чуть было не попала в лодку, в безмятежно работающего веслом перевозчика, он как раз направлялся за новой партией. Молния ударила метрах в пяти от него и тут же была проглочена зашипевшей на неё водой. Только пар взвился и исчез над тем местом, где она затонула. В одно мгновение всё стало мокрым. Х-арн втянул голову в плечи и закрыл её руками, словно оберегая её от смертельных небесных штучек. А Лидия, уже одетая, привстав на колени, с восторгом, с чисто женским восхищением смотрела на невозмутимого Лодочника. Он помахал ей веслом и улыбнулся, Лидия же в безотчетном порыве протянула навстречу к нему руки. Оглушённый потоками воды Х-арн зарылся в мешковину и не видел знаков немого поклонения. Он не видел, что река помутнела и разлилась, как ткнулась лодка в берег, как, совершив ритуальную отдачу рубля, люди сели в лодку, как Лодочник поманил пальцем Лидию и та, мокрая, босая, послушно подошла к лодке. Он не видел, как она пошарила в кармане и отдала Лодочнику свой железный рубль, а тот, повертев его в руках, посмотрел Лидии в глаза и забросил его далеко в речку. А потом подхватил Лидию и перекинул её в лодку.

– А Х-арн? – вдруг вспомнив о муже, спросила Лидия. Но Лодочник сделал такой грёб, что весло выгнулось дугой, и между лодкой и Х-арном, между Лидией и Х-арном, мгновенно забурлил мутный промежуток. А Х-арн лежал, скорчившись, на мокром песке, в промокшей насквозь мешковине и дрожал всем телом. Кости ныли, словно в них насверлили дыр, сквозь которые со свистом гулял ветер. Ничего нового не было в этом мире: так же жарко днём и холодно ночью, та же тоска и одиночество, та же измена и то же насилие. Стемнело. Отчаяние овладело Х-арном. В другое время и в другом месте можно было разжечь костер, обогреться, срубить ветки и сделать шалаш, укрывшись в нём от ветра и дождя, найти другую женщину (это сложнее) или другого друга (это ещё сложнее). Здесь обо всем этом нужно забыть. А как забыть, если не забывается? Да, они плохо жили с Лидией, ссорились, не берегли друг друга, каждый день разводились и снова сходились, занимались медленным ежедневным самоубийством, судились, торопились, рисковали. А ведь так живут почти все. Сколько они тогда получили? Он – семь лет, Лидия – четыре. Отделались без конфискации. Тёща, эта старая лиса, выручила. Очень быстро (опять, что ли, тёща?) попали под две амнистии и вышли, отсидев в общей сложности он – три, она – полтора года. После этого от тёщи не стало житья. Тёща была героем дня, только день этот казался бесконечным. Им надоело ссориться с ней, уступать во всём, зависеть от неё, к тому же тёща была хозяйкой дачи и не собиралась уступать права на наследство. («Подохну, тогда владейте, пока не подохну – всё моё».) Они решили занять свою дачу. Нашёлся человек, готовый продать им полдачу в Силеногорске. Но юридически это можно было оформить только как передачу дачи жене владельца. Куда в нашей жизни денешься без фиктивного брака? Сам бог создал его для покровительства людей. И Лидия вышла замуж за владельца дачи, разумеется, предварительно разойдясь с Х-арном.

Это ужасно... ужасно... Негодяй Лодочник. Это он во всем виноват. Что они сейчас там делают, в своей дачке? В темноте её почти не видно. Света в окошке нет. Да и зачем свет этому дикарю, похитившему у Х-арна женщину? А разве он не дикарь? Разве порядочные люди так делают? Ладно. Зов предков прокричал в крови Х-арна, и Х-арн его услышал. С ним поступают несправедливо. Ведь и дураку ясно, что Х-арн без Лидии существовать не может. А вы можете представить мужчину, у которого похитили женщину, без которой он не может существовать? А Х-арн был таким мужчиной. И сейчас он мог это доказать любому. Даже Лодочнику. Но доказывать было некому. С темнотой ночи утихло дневное шествие людей и нескончаемые

переезды. Лодочник был на том берегу, и он был недосыгаем. Только он мог перевезти Х-арна. А он был теперь с Лидией, и ему было не до Х-арна. Он сейчас с Лидией, с этой глупой самкой, позволившей себя похитить и оставить Х-арна одного. А зубы-то у неё вставные, хоть и красивые, – почему-то с грустью подумал Х-арн, вспоминая, сколько сил потратила Лидия, чтобы сделать себе такие зубы. Впрочем, какое дело Лодочнику до зубов, ему нужна Лидия, эта чужеземка. А зубов у него своих на двоих хватит. Он же дикарь, а Лидия жадна до экзотики, как все глупые женщины. И снова зов предков прокричал в крови Х-арна. И после этого тотального трубного крика Х-арн стал совершенно другим Х-арном. Страстное желание мести согрело немного его продрогшее тело. Убить её – и все дела. Чёртову куклу. Ах, милый Х-арн, как ты считаешь, я могу понравиться Лодочнику? Чёрту лысому ты можешь понравиться, дорогая Лидия, когда до тебя доберётся Х-арн. А я доберусь. Я сделаю это... Я сделаю это, как в пьесе, которую я смотрел в БДТ. Тоже так подойду вплотную и скажу: «Извини, Лидия, такова уж наша с тобой судьба и...» Чья эта пьеса? Да неважно... Ну, вот и я так сделаю: трагический финал нашей долгой скандальной жизни. Разве я был не прав? Разве я не предупреждал, что купаться в реке опасно? Не выставляйся, не оголяйся, не дразни. Разве это говорил ей не он, не Х-арн? Ладно, запретный плод сладок. Женщины до сладкого падки. Но почему от их падкости страдает Х-арн? Он ел этот плод? Он лез в эту идиотскую реку? Он дразнил Лодочника? Он бегал голым по пляжу? Он, Х-арн, хотел понравиться Лодочнику? Как ты считаешь, дорогая Лидия, я могу понравиться Лодочнику? – это говорил он, Х-арн? Ах, как всё это ужасно... ужасно... Заодно убить и Лодочника, раздолбать его лодку к чертям собачьим. Теперь уже всё равно. А что остается Х-арну, кроме мести? А чем ещё жить? Жить! Смешно. Вот и он, Х-арн, попался на удочку, на которую с тайным злорадством зацепил днём толстячка. Да. Но всё это, конечно, легче сказать, чем сделать. Да и что сделать? Как бы это к окошечку подползти, подсмотреть, разнюхать. А ведь это уже однажды было. Подполз, понюхал, рассмотрел. Больно было, Х-арн? Больно. Чего ж тебе ещё? Ещё большее прежнего хочешь, Х-арн? Хочу. Ну, хоти. Не можешь ты, Х-арн, жить без Лидии, не можешь. Пытался, пробовал, не получилось. Без тела её не можешь, красивого, сильного, нерожавшего, не можешь без её деловитости, злобности, доброты, суеты. Без... чего там у неё ещё в заглазнике? Много всякого добра: жарких объятий, оскорблений, примирений, кулинарного мастерства. А сам он, разве может он жить с ней, не оскорбляя её, не обвиняя в бесплодности, не грозя почти ежедневно уйти к другой и никогда не решаясь на это? Да. Странная жизнь. Странная любовь. Да и было ли это жизнью, любовью? Любовью?

Так он ни разу и не открыл Библию. Так и не прочел Дхаммападу. А ведь и то и другое лежало на полке над кроватью. И марксистов и немарксистов – ничего не читал. Всё хлопоты, дачи, кооперативы, дни рождения друзей и недрузей, нужных людей и ненужных людей. Всё было, а ощущение такое, словно жизни не было. Не то, что бы – не дожил, а словно и не жил вовсе. Нет, в Библию надо хоть одним глазком заглянуть. Дхаммапада ладно, чёрт с ней, а в эту-то надо было. Вот и свет у них в окошке зажёгся. И сюда бы, в окошечко, заглянуть надо. В Библии, говорят, любовь. Вся любовь там, там, в Библии. А что в окошечке этом крохотном, на том берегу? Тоже любовь? А в своё-то, в своё-то сердце как заглянуть? Ну ладно, в своё потом, в своё всегда успеем, а сейчас в окошечко, в окошечко на маленькой чужеземной дачке. Х-арн лежал на мокром песке, стуча зубами. На той стороне по-прежнему горел огонёк в окне.

Тёща была примечательная женщина. Удивительная женщина. Легендарная женщина. Легендарной она называла себя сама, потому что была замужем (последнее замужество) за легендарным человеком. Легендарного в нём было то, что он был секретарём другого легендарного человека, составившего себе славу своим писательским трудом, в котором и до сих пор не потускнела печать сильного дарования. Тот писатель был государственным человеком,

допущенным в самые верхние слои общества, а равным образом и тёща причисляла своего мужа к личности государственной, поскольку муж был не только личным секретарём, но и другом покойного писателя.

Родившись где-то в знойных Кизил-Арватских степях, напоённая здоровьем и солнцем, красивая и выносливая, как степная кобылица, тёща сделала гигантский скачок от босоногой измазанной липким арбузным соком девчонки до жены легендарного государственного человека. Четверо мужей проскакали на ней короткий срок своей стремительной, но прекрасной жизни. Одного она скинула сама. Второй не удержался и разбился на крутом вираже авантюрной тёщиной политики. Третий испугался участи второго, вовремя разглядев не только пучины её необъятного тела (она весила почти девяносто килограммов), но и не менее головокружительные бездны её души. И лишь последний муж, скончавшийся вскоре после смерти своего шефа, проскакал самую длинную и самую прекрасную дистанцию. На вопрос, как это ему удалось такая рискованная джигитовка, тёща отвечала с загадочной улыбкой на губах и с восторгом, восхищением и преклонением перед этой личностью одной только фразой: «Что не дозволено Юпитеру, то дозволено жиду». И говорилось это так многозначительно, что расспрашивать о чём-то ещё после этого было всё равно, что расписаться в собственной неграмотности. Жизнь с государственным человеком сделала тещу такой, или она была такая, но эта, теперь уже стодвадцатикилограммовая туша обладала удивительными способностями вызывать в людях страх, почтение, внушительную симпатию. Одно платье этой государственной вдовы, которое она сшила специально на свадьбу своей племянницы, стоило ей почти целого состояния. Два великих кутюрье Сент-Ив-Лоран и Карден объединились, чтобы в творческом экстазе воплотить в жизнь это чудо. Об этом платье, которое она в тот свадебный вечер трагически закапала шпротным маслом, Х-арн мог бы многое порассказать. Да разве только о платье? А о фарфоровых статуэтках (японский, китайский фарфор), а о золотых, серебряных, мельхиоровых вещичках, от которых ломаются тёщины шкафы, а о хрустале, а чешское богемское стекло, а золотые кольца, перстни, а бриллианты... а прелестный оригинал «Купальщицы» над тёщиной кроватью? Сколько Х-арн ни умолял, так и не вымолил эту картину. А портнихи, приходящие на дом, а молоденькие маникюрщицы и педикюрщицы в белоснежных халатиках? Нет, тёща была не простая женщина. Легендарный человек оставил ей легендарное состояние, которое тёща, как ни стремилась растратить, так и не смогла. И не скрывала этого. И ничего не боялась. Говорила всё, что хотела и про кого хотела, и где хотела. Тёща всю свою жизнь была любимой игрушкой в руках Фортуны. Очень вкусно приготовить, очень вкусно поесть, очень вкусно поспать – вот мудрость. Мужчины сладкоежки и любят всё вкусное. Вот суть. Всё остальное – задуривание голов. Так учила тёща Х-арна, своего будущего зятя, которого она ни во что не ставила, и говорила, что её Лешику Х-арн не достает «по эти самые». При этом она делала такое брезгливое выражение лица, давая понять, что и «этих самых» у Х-арна никогда не было и не будет, и нечего об этом больше говорить. Х-арн и побаивался тещу, и ненавидел, и уважал. Но теперь, когда дело с дачей выгорало, он решил избавиться от давящей опеки и прибавить себе самоуверенности. И вот сейчас они с тёщей ругались из-за этой дачи. Х-арн был до предела утомлён всеми дачными хлопотами, скандалами, переживаниями, и сейчас, когда тёща приводила очередное доказательство в силу проигрышности всех Х-арновых начинаний, он сидел и с ненавистью глядя на тещу думал о том, что самой лёгкой и желанной для него смертью было бы, если бы кто-нибудь столкнул тещу с балкона её одиннадцатого этажа, и она упала бы на машину, в которой сидел бы Х-арн. Глядя на тещу, которая отмачивала одну ногу в тазике с тёплой водой, а вторую уже поставила на низенькую скамеечку, Х-арн думал о том, какой прекрасный свадебный подарок сделала ему Лидия на всю его жизнь... Этому подарку сейчас делали тщательный неторопливый педикюр. Прелестная девушка в белом халатике, изящная и точёная, под стать фарфоровым статуэткам в этой комнате, сидя на коленях возле тёщиных ног, занималась отделкой вынудой из тазика распаренной ноги с таким стара-

нием, словно реставрировала ногти статуэтки из гробницы Тутанхамона. Так и казалось, что девушка-оператор и тёща должны быть окружены пуленепробиваемыми стёклами, охраняемые полицейскими могучего телосложения. Девушка, близоруко наклонившись к ноге, миниатюрной пилочкой делала лёгкие быстрые движения, щёточкой сметая ногтевые опилки в ладошку, словно это алмазная пыль, а из ладошки вытряхивала её в большую сиреневую салфетку, лежащую на сером ковре. Тёща, утонувшая в мягком кресле, устало ворчала.

– Идиот, – говорила она, закатывая глаза в неизмеримом страдании. – Дачу свою захотел.

– Это ещё не повод, чтобы меня оскорблять, – уязвлённо сказал Х-арн, взглянув при этом на девушку. Но та сосредоточенно работала. Х-арну почему-то показалось, что она во всём согласна с тещей. За одну левую тёщину ногу она отдала бы, наверное, всего Х-арна. А за правую тёщину ногу она пошла бы, наверное, на костёр. Если только эта раскрашенная хорошенькая заводная кукла знает, что такое святые убеждения. А почему она должна их знать, если Х-арн сам не знает, что такое святые убеждения? Впрочем, как раз-таки они, это поколение, чёрт бы их побрал, знают. Конечно же, тёщина нога, сумочка с инструментами, пятьдесят рублей за сеанс, мальчики в ресторане, шапочка-петушок, тряпки – разве всё это не святые убеждения? Да, конечно, я такой же, – поспешил согласиться Х-арн, но у нас что-то помимо этого было ещё, другое: что-то такое... – Х-арн пошевелил пальцами в воздухе.

– Чего рукой машешь? Не согласен, что ли? – не унималась тёща.

– Господи, – поморщился Х-арн, – может, хватит, Лина Борисовна? Ну, с чем я ещё должен соглашаться?

– Хрен ты получишь эту дачу. Никакой дачи ты не увидишь.

– Увижу. Успокойтесь. У Вас опять разболится печень. Опять но-шпу глотать будете.

– Что хочу, то и буду глотать, не твоё дело.

– Как же это не моё дело, когда с Вашим отслоением сетчатки мы пять лет промучились.

Одних операций три штуки было, а сколько денег угробили.

– Ты моих денег не считай, – закричала тёща, повернувшись всем своим грузным телом к Х-арну. При этом нога её сорвалась со скамеечки и, если бы расторопная девушка не успела её вовремя подхватить, рухнула бы на пол.

– Спасибо, Светочка, – заметила Лина Борисовна эту внимательность. – Умничка ты моя.

Десяточку сверх нормы прибавит, подумал Х-арн. А вслух сказал:

– Я наших денег не считаю. Я считаю своё время и свои нервы.

– У, бесстыжий, – в негодовании замахнулась на него тёща. – Попомнишь ты мои слова: и дачи тебе никакой не будет, и обдерёт он вас как липку, и Лидку твою трахнет, и тебя заодно.

Уютное, обитое болотно-зелёным велюром кресло мягко, как лошадиные губы, сжевало Х-арна. Он обхватил руками голову и съёжился, притаившись в тёмно-зелёных глубинах кресла, как среди водорослей. Не вылезать бы отсюда никогда, поселиться навеки, стать лягушкой и смотреть на мир, не принимая в нём участия: пусть каждый сходит с ума, как ему хочется, пусть все вместе возьмутся за руки и сойдут с ума, а Х-арн – лягушка в болотном кресле, и общее безумие его не коснется. И пусть этими тещами владеют другие, ему, Х-арну, до смерти тошно смотреть на этого с ног до головы отлакированного бегемота, и пусть дачами владеют, и пусть Лидией владеют другие. Тут Х-арн струхнул. Ну, уж нет. Дудки! Какие дудки? Почему дудки? Этого Х-арн не знал. Но при мысли о том, что этот негодяй завладеет его Лидией!.. Нервы Х-арна больше не выдержали. Он боялся признаться теще об утреннем разговоре с Лидией. А разговор был не из лёгких. Чего там врать – не из лёгких – мучительный был разговор. Человек, за которого Лидия фиктивно вышла замуж, покрутил так, покрутил эдак, рассмотрел Лидию и, наконец, заявил, что всё дальнейшее дело будет делаться через постель. Если бы это случилось с другим, Х-арн воспринял бы это как норму. Постель в наше время и есть самая нормальная норма, штамп, матрица, динамический стереотип. Х-арн сразу вспомнил нечаянно подслушанный разговор в телефонной будке: «Анька, привет. Ну, в общем,

я нашла. Частник. Делает на дому. Пятьдесят рэ и переспать. До или после? Нет, до. Согласна? Ну, пиши адрес». Аня записала адрес и, конечно же, пошла делать аборт, предварительно переспав с частником. Интересно, знает ли об этом муж? Наверное, не знает. А если бы знал? Аборты всё равно делать надо. Желających делать аборты – миллионы, рабочих рук не хватает. Постель. А для него, Х-арна, лучше самому лечь в постель, чем эта сволочь затащит туда Лидку. Х-арн с ужасом представил свою Лидию в постели с этим негодяем. И он имеет её, как хочет и сколько хочет. Потому что деваться некуда. Потому что дача уже наклеивается. Потому что тёща, эта одноглазая дура, уперши руки-окорока в бока, ехидно щурит глаз с отслоившейся сетчаткой и напевает: «Хрен тебе, а не дача!» Потому что так хочется послать всех к такой-то матери и уехать на лето к себе на дачу, чтобы не видеть этих рож, в том числе и тётчину, и отдыхать, отдыхать от всех на природе. Потому что тысячи тысяч людей ведь имеют дачи, да такие, что Х-арну и во сне не снилось. Х-арн ещё глубже ушёл в кресло и, сжав голову руками, застонал. А куда деваться? А что делать? Столько труда, сил, средств, чтобы в последнюю минуту взять и от всего отказаться? Нет, они согласились. И сейчас Лидия с ним, на той самой даче. И самое страшное, что тёща права. Она великий психолог, она мастер по этим делам. Он взаправду может не получить никакой дачи. И не получит. Вот он-то, Х-арн, её и не получит. А тот получит всё, что хочет и от него, Х-арна, и от Лидии. Тёща как в воду глядела. А что, если он понравится Лидии? Он хоть и старше Х-арна, но богат, подлец, богат. Ну, вот что! Это насилие! Да! Это явное насилие над ним, над Х-арном. И вдруг в нём всё восстало. Х-арн сжался в энергический комок, как зверь перед прыжком. И вдруг ему всё стало до фени: дачи, тётщи, деньги, иконы, машины, магнитофоны. Всё! И осталось только одно желание. И вот его-то Х-арн не откажет себе в удовольствии исполнить! Все – негодяи. Все – обманщики. Х-арн вскочил и, не слушая тётчиных изумленных криков, бросился вон из комнаты. Их кооперативы находились по соседству. Забежав домой, Х-арн схватил охотничье ружье и, бросив его на заднее сиденье, завёл мотор. Х-арн гнал машину, словно боясь, что решимость его покинет, а на сиденье, рядом с ним, подпрыгивали и звякали патроны в картонной коробочке.

Х-арн в приступе бешенства вскочил с мокрого песка и заметался по берегу реки в облепившей его худое тело, мокрой насквозь мешковине. Ночь была тёмная, непроницаемая. Непрерывно сквозило. Страшный чужой лес шумел, стонал и скрипел деревьями, а в деревьях спрятанный кто-то хохотал, ухал и кричал воплями, словно его насилуют. Отчаяние Х-арна дошло до предела. Он сбросил с себя пеленавшую его сырую хламиду, от которой кости ныли и словно освободился от какой-то тяжести. Почувствовав себя голым зверем в дремучей ночи, он даже сам захотел издать какой-то утробный вопль, один из тех, которыми кишел лес. И он издал такой вопль. Это был тотальный вопль. Так иногда кричат звери перед боем, а среди людей – сумасшедшие или самоубийцы. Это был никем и ничем не контролируемый крик, который начисто подмёл и вычистил подсознание. Тёмные глубины Х-арна, в которых как в древних складах громоздился уже никому не нужный гниющий хлам, весь этот мусор накопленный, всё это изжитое, пережитое, подавленное, втиснутое, исковерканное и непроявленное – всё это теперь сплывало в могучий пронзительный вопль и выбросилось вон, наружу, в чёрные бездны чужого леса. Вопль повисел немного в воздухе над головой Х-арна и уполз по вздыхающим сучьям снюхиваться с другими ночными криками и стонами. А у Х-арна было ощущение после этого вопля, что прохладный сквозняк прошёл и по нему, внутри его, развеяв и унеся прочь настоявшийся в душе вонючий воздух. И Х-арн стал другим человеком. Этот тотальный психо-телесный вопль не просто помог ему выжить в этой ночи, в этом незнакомом месте, брошенным, преданным и одиноким, он изменил его так, что вчерашний Х-арн, встретившийся с сегодняшним Х-арном, даже не подал бы ему руки, как не подают руки, не знающие друг друга люди. Х-арн сделал несколько физических упражнений, чтобы согреться. Сердце ответило нездоровым сильным биением: последние годы Х-арн редко занимался спортом. Х-

арн решился: либо сейчас, либо он навеки останется на этом берегу. Лучше сейчас. Голый Х-арн подошёл к воде. Вода была холодна, как глубокой осенью. Даже не верилось, что ещё днём Лидия плескалась здесь, как в городском бассейне. Вода обожгла тело. Даже запах сероводорода почти не ощущался: казалось, что он заморожен. Вода обожгла тело, но это хорошо. Это прекрасно, Х-арн. Это значит, что я в воде и теперь можно плыть. Куда плыть, ты знаешь, а вода уже обожгла тело, и теперь выходить из неё нет смысла. Да и не так уж вода холодна, как кажется вначале. А, Х-арн? Умница Х-арн? Смельчак Х-арн. Счастливчик Х-арн. Это же надо было так сказать про него, Х-арна – счастливчик. Где сейчас этот толстячок со своим харкающим спутником? А холодновато, однако, но плыть можно. Плывём, Х-арн. А? Кто бы мог подумать? Плывём, Х-арн. Плывём. Плывём. Плывём. Не отвлекайся, Х-арн. Не думай ни о чём, кроме своей цели, только тогда ты не утонешь, Х-арн. Удачник Х-арн, счастливчик Х-арн, самоубийца Х-арн. Он плыл, а звёзд над его головой не было видно. Их вообще не было в этом месте, звёзд. Он плыл не то в воде, не то в чёрной краске. А звёзд так и не было. Он так и не видел. Ну и чёрт с ними, звездами. И облаков не было. И чёрт с ними, с облаками. Главное – доплыть, а для этого надо плыть, работать руками и ногами. И он работал. Он плыл. А звёзд не было. И облаков не было. И ничего не было, кроме воды, и холода, и черноты, и Х-арна, вымазанного этой чернотой, проглоченного её мягкой коварной утробой, но всё-таки плывущего, задыхающегося и уже готового утонуть. Но утонуть можно всегда. А плыть ещё было можно. И Х-арн грёб онемевшими руками, изредка плотая горькую, как желчь, воду, которая приводила его в чувство, давая понять, что утонуть совсем не сладко. Ему казалось, что он плывёт всю ночь, а ведь днём он совершенно точно видел, что ширина этой реки не больше тридцати, ну, пусть, полета метров. Уж он-то, Х-арн, на неё насмотрелся. И, если бы не огонёк впереди, который всё-таки, слава Богу, приближался, Х-арн подумал бы, что он заблудился, поплыл не в ту сторону, плывёт кругами. Но Х-арн плыл правильно, держа на огонёк. Он и не знал, что он может так долго держаться на воде. Он плыл, а дело шло к рассвету. О Господи, дело шло к рассвету! Потому «о Господи», что теперь Х-арн доплывёт. Он доплывёт. А может, уже доплыл? Х-арн пошарил ногами дно, но провалился с головой в противную чёрную мглу. Вынырнул, отплевался. А небо уже просветлело, да как-то странно: не одной своей частью, там, где обычно восходит солнце, а всё сразу стало нежно-розовое, с золотистыми прожилками. Х-арн плыл всю ночь. И вот он, берег. Х-арн вышел точно у домика Лодочника, на том (теперь уже на этом) берегу. О Господи! О Господи! О Господи! О Господи – я приплыл. О Господи, я, Х-арн, приплыл на этот берег, чтобы совершить возмездие. О Господи, я, Х-арн, неизвестный тебе Х-арн, ненавистный тебе Х-арн, приплыл на этот берег, чтобы совершить возмездие во имя справедливости. О Господи, я, Х-арн, твой любимчик и твоя рука, Господи, стою на этом берегу, голый, мокрый, дрожащий. Я приплыл, Господи. Я приплыл, Господи, я приплыл, Господи. Я приплыл.

Ты приплыл, Х-арн. Ты приехал на машине. Я приехал на машине? Ты приехал на машине, помнишь, Х-арн? Я приехал на машине?! Ты приехал на машине. Ты помнишь, Х-арн? Я помню. Бегай, бегай, чтобы согреться. Бегай, чтобы скорее согреться, чтобы двигались руки и ноги. Бегай, Х-арн. Помнишь, ты приехал на машине? Помнишь, ты выскочил, схватил ружьё. Бегай, Х-арн. Наклоны влево, наклоны вправо. Скоро будет тепло, потом будет жарко. Потом будет очень жарко, Х-арн. Потом будет очень, очень, очень жарко, Х-арн. А что будет потом, не знаешь даже ты, Х-арн. Помнишь, как ты засунул патрон в ружьё, подкрался к тёмному окну дачи. Помнишь, как тебя трясло? Помнишь, как ты ехал обратно, мечтал, куда бы врезаться. Ты был рад, что дача оказалась пуста? Ты доволен? Стрелять в пустоту бессмысленно. И, словно по уговору, у вас с Лидией – ни одного слова на эту тему. Запретная тема, Х-арн. Но теперь эта тема развивается, милый Х-арн. Как в фуге Баха, она развивается, меняя регистры. Эта тема перед тобой, Х-арн. И дача не окажется пустой. И нужно согреться, чтобы

руки и ноги могли двигаться, шевелиться. Прыгай, Х-арн, прыгай. Хорошее дело прыжки. Прыгай. Прыгай. Прыгай. Ещё немного и станет совсем светло. Прыгай и станет светло. Прыгай. Прыгай. Прыгай.

Х-арн заглянул в невысокое окошко домика. Собственно, можно было и не заглядывать. Но убедиться! Но схватиться рукой за косяк окна! Но подавить в себе стон! Но пулеметные удары сердца, и сладкая мука в животе, и страх, и ненависть, и желания! Агонизирующая свечка, словно цепляясь за жизнь, освещала небольшое пространство помещения тусклым мерцающим светом. Х-арн смотрел и смотрел, а свечка умирала, хлопая язычком огня, как бабочка крыльями. Она уже умерла, а Х-арн смотрел туда, где было темно после угасшей свечки. Но Х-арну не было темно. Внутренним зрением он видел запечатлённую картину. Он видел грубо сколоченный стол без скатерти, весь закапанный свечным воском. Он видел лежанку и Лодочника с Лидией на ней, валяющихся на шкурах. Огромный лук над лежанкой и колчан со стрелами. Лодочник на животе, сидящая на нём верхом Лидия. Лидия делает Лодочнику шведский массаж, которому научил её Х-арн.

Горы, морозное утро, пластиковые французские лыжи. Ослепительно яркий снег и множество людей в ярких лыжных костюмах, как ёлочные игрушки на белой вате. И эти оранжевые, огненные, голубые, синие, жёлтые нарядные игрушки носятся сломя голову разноцветными трассирующими снарядами. Да, слалом – это праздник. Да, слалом – это любовь. Это и праздник, и любовь, и гостиница, и ночь. И шведский массаж. Он как раз только научил её этому. А после любви и слалома и снова любви и шведского массажа – сухое вино и кофе и одну («Нет, Х-арн, две», – «Ну ладно, так и быть, две».) сигаретки. Подумать только, и всё это могло быть и сейчас. Какая глупость. Какая нелепость. Подумать только: нелепая случайность, автомобильная катастрофа! Чтобы теперь стоять в тоске, ухватившись рукой за косяк и подавив в себе стон и ярость, смотреть, как твой шведский массаж твоя жена делает твоему ненавистному врагу. Подумать только: они были ещё так молоды! Куриный мозг за рулём «Субару». Два куриных мозга за рулём «Субару» и один из них – Х-арн. Смешно. Так же смешно, как смешон этот лук над лежанкой и колчан со стрелами. «И натянул он тетиву, и воссела медноострая и тонкая своим оперением». Кто он, Лодочник, – разбойник? Или промышляет в лесах диким способом? Античный герой в Геракловой шкуре? Какая разница. Олимпийская стрельба из лука. Да, смешно, но не смешнее, чем два куриных мозга за рулём новеньких «Жигулей». А вон в том углу Х-арн (когда свеча ещё горела) увидел какие-то брошенные на полу мешки, наподобие того, что унёс на себе Кентавр. Для денег – подумал Х-арн. А потом куда? Кому? Когда-нибудь я всё узнаю. Сладко и страшно стало Х-арну при этой мысли.

Тем временем рассвело. Замелькали тени на том берегу, откуда недавно прибыл Х-арн. Это подошли первые шествующие. При мысли о том, что к переправе подошли люди, Х-арн вспомнил, что его одежда осталась на том берегу, вместе с единственным рублём в кармане. Но теперь уже поздно думать об этом. Думать надо о том, как вырвать Лидию из лап хищника. Лодочник в десять раз сильнее, и ему ничего не стоит ударом кулака размозжить Х-арну голову. Может быть, есть смысл проникнуть в дом, пока он спит, и разбудить Лидию. И убежать с ней. Ведь они теперь на этой стороне. Правда, он перебрался, не заплатив пошлины, как бы контрабандно. Но одним преступлением больше – всё равно отвечать за все грехи сразу.

В стоячем безмолвном воздухе, ещё одурманенном предутренним сном, раздался вдруг чёткий сухой звук копыт. Хрустнул валежник. Нырющим полётом, выболтав на лету длинную стрекотливую фразу, которую всё равно никто не понял, перелетела с дерева на дерево сорока. Х-арн отпрянул от окна и спрятался за ствол большого дерева. Из леса, как и вчера, замерев на минуту и оглядев местность, вышел Кентавр. Теперь Х-арн сумел его, как следует, разглядеть. Кентавр был невысок крупом, примерно по грудь Х-арну и, видимо, достаточно пожилой.

Наверное, было время, когда он был сильным и красивым Кентавром, серой в яблоках масти. Серое стало пыльной, местами вытертой, лысой шерстью, а яблоки, потеряв очертания, остались тёмными подпалинами. Хвост Кентавра был в самом ужасном, жалком состоянии: запачкан, спутан, со свалившейся шерстью и прижившимися в ней колючками. Как видно, Кентавр давно перестал следить за собой, а может быть, перестали следить за ним. Торс его оказался совсем не таким, каким его ожидал увидеть Х-арн. Увидев вчера Кентавра с дальнего расстояния, воображение Х-арна представило его крепким, рельефным, мускулистым, с формами, как у культуриста, с мышцами, исполняющими сложный танец при каждом повороте тела. Одна только битва кентавров, о которой он читал где-то в античных мифах, давала обильную пищу для воображения Х-арна. Какое прозаическое разочарование. Может, такие кентавры и водились в здешних местах, но этот не имел с ними ничего общего. Торс его также был покрыт редкой грязной шерстью и был вялым, дряблым, с какой-то нездоровой полнотой, как у человека, страдающего одышкой. Поразили Х-арна глубокие страдающие глаза, в которых светился живой, всё понимающий ум и глубокие морщины лица. Но волосы при этом были коротко подстрижены и торчали ёжиком над узким, прорезанным двумя глубокими складками лбом. Тип лица показался Х-арну армянским, и Кентавр очень напоминал Х-арну друга его юности, с которым они вместе учились в университете. Друг Х-арна был армянином, и звали его Сурен. Но этот Кентавр был оболочкой Сурена. Сурен был самбистом, драчуном, любителем женщин. Сурен был энергичная струя, мощный бросок в жизнь. А Кентавр... Что стало с бедным животным? Ах, эти красивые армянские глаза, печальные, умные, с длинными густыми ресницами. И такие же, как у Сурена, выющиеся усы и борода колечками. Женщины любили Сурена. Мужчины не любили Сурена. Интересно, кто любит Кентавра? Кто не любит Кентавра?

Кентавр подошёл к реке, подогнул передние ноги и, зачерпывая руками воду, напился. Пока он пил, взгляд Х-арна скользнул по животу Кентавра, и Х-арн увидел, что тот – мерин. И Х-арн понял, откуда эта вялость, одутловатость, нездоровая полнота. Бедное кастрированное животное! Х-арн тихонько свистнул. Испуганный Кентавр так стремительно метнулся в сторону, что ноги, не успевшие выпрямиться, зацепились одна за другую, и Кентавр чуть не упал.

– Не бойся, – негромко сказал Х-арн, выходя из-за дерева. Слегка покачиваясь и дрожа крупом, Кентавр недоверчиво смотрел на незнакомого обнажённого человека. – Тс-с, – Х-арн приложил палец к губам и подошёл к Кентавру. – Испугался? – он дотронулся до горячего, дрожащего крупа. – Не бойся. Меня зовут Х-арн. Я оттуда, – и он указал пальцем на тот берег. – А иду туда, понятно? – и он указал на белевшую среди зелёных массивов, ведущую неуклонно вниз дорогу. – Не бойся, я Х-арн.

– Я понял, – согласился Кентавр. – Ты – Х-арн. Я понял.

– Да, правильно. Я – Х-арн. Я с того берега.

– Оттуда? – показал рукой Кентавр на противоположный берег.

– Да, да. Именно. Оттуда. Ты правильно понял.

– Да, я понял. Ты – Х-арн, и ты – оттуда.

– Верно.

– Я – Кентавр.

– Да, я знаю. Догадался.

– Я живу здесь.

– Понятно. Я провёл ужасную ночь. Потом приплыл. Сам. Ночью плыл. И вот я здесь.

– Я понял. Ты переплыл реку? Сам?

– Да. А что мне оставалось делать? Он отнял у меня жену.

– Кто? – спросил Кентавр и посмотрел на домик Лодочника.

– Да он. Он воспользовался грозой и похитил её.

– Она и сейчас там?

– Там.

- Это она вчера купалась в реке?
- Конечно. Кто же ещё.
- Смелая женщина. Амазонка.
- Не говори, – усмехнулся Х-арн. – Куда там амазонкам. За пояс заткнёт твоих амазонок. – Взгляд Кентавра сделался диким от ужаса. – Что с тобой? – спросил Х-арн, не понимая, что могло испугать Кентавра.
- Ты с ума сошёл, Х-арн, – сдавленным голосом прошептал Кентавр. И испуганно огляделся. – Схватят, и я с тобой погибну.
- Кто схватит? – тревожно спросил Х-арн, поняв, что был в чём-то неосторожен.
- Амазонки, – пояснил Кентавр. И побледнел так, что Х-арну показалось, что он сейчас грохнется в обморок. И он был недалёк от истины. Кентавр стоял, пошатываясь. Х-арн нагнулся, зачерпнул воды в горсть и плеснул в лицо Кентавру.
- Какие здесь амазонки? – спросил он Кентавра. – Ты что, бредишь? Откуда здесь амазонки?
- А откуда кентавры?
- Верно.
- Попадёшь им в руки, узнаешь.
- К амазонкам? – удивился Х-арн.
- К амазонкам.
- А ты что, уже попадал? – предчувствуя, что этим вопросом бьёт в самую точку.
- А как ты думаешь? – спросил Кентавр.
- Это они тебя так? – спросил Х-арн, глядя в лицо Кентавру. Глаза того вспыхнули ненавистью и страхом.
- Они, – сказал он, и по его грязношёрстному крупу прошла судорога. – Клещами рвали, суки. – Он осёкся, зажав себе рот обеими руками.
- За что? – Х-арн почувствовал, что та же самая судорога, сбежав с крупа Кентавра, перешла в него, Х-арна, и прошла по всем его внутренностям.
- Да была там одна, – нехотя ответил Кентавр, уклоняясь от ответа. – Слушай, Х-арн, будь другом.
- Буду, – с готовностью ответил Х-арн.
- Ты всё шутишь, парень, а я серьёзно.
- Я не шучу.
- Слушай, Х-арн, у Лодочника в погребе есть... я, – Кентавр замялся, – мне, понимаешь, не разрешают. А я... я, – он запутался, растерялся.
- Говори толком.
- Вино. В погребе. За мной следят. Я, понимаешь, в погреб залезть не могу, а ты можешь, а, Х-арн? – лицо Кентавра сделалось жалким, умоляющим, руки Кентавра тряслись. «Господи, – с тоской подумал Х-арн, – и здесь всё то же самое. И вдобавок ко всему амазонки, кастрирующие кентавров».
- Хорошо, – сказал он. – Я достану вино. Где погреб?
- Иди сюда, – Кентавр поманил Х-арна пальцем, суетливо задёргавшись.
- А если нас увидят? – спросил Х-арн, чувствуя сердцем, что влезает в такую авантюру, из которой может потом уже и не выпутаться. Это не кооператив, и не иконы, и не фиктивные браки. И тёщи здесь не водятся. Но Лодочник – заклятый враг, и он объявил врагу войну. И это – малая война. А там будет видно. А начинать всегда нужно с малого.
- Не увидят, – сказал, воровато озираясь, Кентавр. – Все ещё спят. А этот, – он кивнул в сторону дачки, – он всю ночь с твоей женой... не проснётся.
- Они обогнули домик Лодочника. Кентавр старался не стучать копытами и оттого ступал смешно, как человек, который ходит на цыпочках. Х-арн даже улыбнулся, несмотря на то, что

на душе было тревожно. Кентавр был ему очень симпатичен. Он поднял крышку люка, на которую ему указал Кентавр. Из погреба, как из всех погребов на свете, пахло могильным холодом, мраком и плесенью. «Вот только... не ловушка ли это? – думал Х-арн, спускаясь по приставной лестнице. – Не захлопнется ли крышка над его головой? А, может быть, Кентавр – раб Лодочника?»

– Бочонок, бочонок давай, – услышал он нетерпеливый шёпот Кентавра.

– Какой бочонок? Где? – Х-арн шарил в темноте, боясь наткнуться руками на какую-нибудь мерзость. Именно так и получилось: что-то мокрое, холодное и липкое скользнуло по его руке. Мгновенно он отбросил прочь эту слякоть, но рука была запачкана. Рефлекторно Х-арн вытер руку о мешковину, забыв, что её на нём нет и оставив остатки гадости на теле. Его всего передёрнуло и захотелось вон из этой могилы, на свет, на воздух. И тут он обнаружил бочонок. Бочонок был достаточно тяжёл. Взяв его, Х-арн стал взбираться по лестнице. Он отдаст бочонок только тогда, когда выйдет наружу.

– Держи, – протянул он бочонок Кентавру. Сам остался стоять у открытого погреба, жадно вдыхая чистый, уже разогретый воздух. Кентавр выхватил бочонок из его рук, каким-то хитрым точным ударом вышиб из него пробку и, запрокинув голову, стал пить прямо из бочонка. А Х-арн побежал к реке и стал смывать с себя зелёную плесень – тайный и жуткий знак могилы. Когда он вернулся, Кентавр всё ещё пил. У Х-арна сложилось впечатление, что он пил, не оторвавшись ни разу от бочонка. А в бочонке было около десяти литров. Х-арн с удивлением и даже восхищением смотрел на Кентавра. Вот это мужик! Х-арн знал в своё время одного мужика, он жил по соседству. Тот на спор выпивал двадцать бутылок пива. Купит ящик и пьёт. А спорщики вокруг сидят, сделав свои ставки и смотрят. Но, во-первых, он пил не спеша, а во-вторых, не спеша закусывал. И потом – то пиво, а ведь это – вино. И Х-арн ведь только сбегал на речку и обратно, и на это ушло не больше пяти минут. «Ну, мужик!

– думал Х-арн. – Всем мужикам мужик!» Х-арн забыл, что Кентавр уже не мужик, в таком восхищении был от его умения. Вино текло по витым колечкам, усам и бороде Кентавра, проливаясь на землю, тут же всасываясь в песок. Тёмное мокрое пятно образовалось под Кентавром. Он допил, потряс пустым бочонком и с минуту стоял обалдевший. Глаза его закатились в блаженном экстазе, сразу увлажнились, струйка слюны вытекла из приоткрытого рта.

– Эй, дядя, – слегка подтолкнул его Х-арн. – Очнись.

Кентавр всхлипнул, как человек со сна, вытер рукою мокрые губы и усы и сказал: «Хорошо!»

– Это я и без тебя понял, – сказал ему Х-арн. – А дальше что?

– Ничего, – убеждённо ответил Кентавр. – Ничего дальше и не нужно, всё. Просто хорошо и всё. – Он отломил от дерева какой-то сучок, вставил его острием в расщелину между досечками бочонка и, с силой надавив, расширил щель. – Убьёт он меня, – сказал он Х-арну. – Убьёт. Но пусть докажет, что это я. Вот видишь? Бочонок треснул, и вино пролилось само, верно, Х-арн? – и, забив пробку, он зашвырнул бочонок в разинутую пасть погреба.

– Не знаю, – сказал угрюмо Х-арн, начиная думать, как же быть дальше.

– Ох, драл он меня однажды. – Кентавр начинал пьянеть.

– Ты себе представить не можешь, привязал к дереву, словно я ему лошадь какая, и так драл, так драл, всю шкуру спустил.

– Кто? – спросил Х-арн.

– Ну, кто, кто? Кто твою жену увёл? Пить мне не дает, гад, – жарким ненавистным шёпотом сказал Кентавр в самое ухо Х-арну. Из рта его пахло при этом ничуть не лучше, чем из винного погреба: тем же смрадом, плесенью, гнилой утробой. «Он совсем больной, – подумал о Кентавре Х-арн.

– И куда столько пьёт? И он что же, ничем не закусывает?»

– Надрал, надрал, а потом отдал амазонкам, – продолжал Кентавр. – Там они меня и... и отрезали. – Умное лицо Кентавра утратило свою былую осмысленность, исказилось ненавистью. – Суки эти бабы, Х-арн, ах, суки, что со мной сделали.

– Это верно, – подумал Х-арн, вспомнив Лидию.

– Спутался я у них там, понимаешь, с одной бабёнкой, тоже амазонка была, а у них, понимаешь, Х-арн, нельзя с кентаврами. Ну а нас поймали. Она ко мне по ночам в сарай приходила. Известное дело, баба. А я, понимаешь, по женской части мастак был. Ну, зацепил её, сам знаешь. Понимает, что губит себя, а любит. Любила она меня, Х-арн. – Его влажные глаза увлажнились ещё больше, из них выплыли две огромные слезищи и, подрожав мгновение, сначала одна, потом другая, растеклись по щекам. – Её в гладиаторши отдали, а меня вот... – Кентавр закрыл лицо руками. – И твою, твою бабу он отдаст амазонкам.

– Лидию? – удивился Х-арн.

– Да, Лидию. Отдаст её в амазонки. Она смелая. Им такие – во как нужны. – По всему чувствовалось, что Кентавр не врёт. Пора было что-то предпринимать, если он не хочет навсегда потерять Лидию. Но что? Как? Х-арн был совершенно растерян. У него была маленькая надежда, что ему может помочь Кентавр, но, глядя на его все больше и больше пьянеющее лицо, он теперь сомневался в этом. И как бы в подтверждение этих мыслей Кентавр сказал: «Ну что, пойти будить его, что ли?»

– Будить? – не понял Х-арн.

– Будить, – сказал Кентавр. – Каждое утро я прихожу будить его на работу.

Х-арн не мог поверить этому. Ему казалось, что после всего того, что он услышал от Кентавра, тот должен ворваться в домик Лодочника, сбросить его одним ударом на пол и опустить копыто, или лучше два копыта на его голову. И вдруг – будить. Да, Кентавр исправно несёт свою должность. «Кастрированный Кентавр! – со злостью и ненавистью подумал Х-арн, – и должен, обязан исправно нести свою должность. Но он, Х-арн, не лошадь, он не Кентавр, и Лодочник ему не хозяин».

– Иди, – с тоскою в голосе сказал он Кентавру. – Иди, буди своего хозяина. – Х-арн понял, что надеяться он может только на самого себя. Только на самого себя. Только на себя, Х-арна.

В это время Кентавр, что-то бормоча с блаженной полуидиотской улыбкой, с силой пустил под себя струю. Это продолжалось довольно долго. Сначала опустошил бочонок, теперь опустошает себя. Струя мочи била в землю, осыпая её брызгами, несколько из которых попали на ногу Х-арну. Он брезгливо отдернул ногу. Под Кентавром вскипела лужа, резко пахнуло аммиаком. Желтоватая ажурная пена нежно перешёптывалась сама с собой. Кентавр развернулся и, осторожно обойдя пенистую лужу, подошёл к двери домика.

– С Богом, – сказал он и застучал задними копытами в дверь.

– Что ещё? Кто там? Это ты, Кэсс? – раздался из домика грубый недовольный голос.

– Вставайте, люди ждут. И к Вам в гости пришёл подарок.

– Вот шут пьяный, – выругался про себя Х-арн, – продал. И зачем я ему, дураку, бочонок только вынес.

Дверь пинком отворилась, и в новое светлое утро вышел Лодочник – рослый, красивый, невыспавшийся, с лепными украшениями бронзовых мышц, в своей шкуре на плечах и с кожаным мешочком на поясе для сбора платы.

– О чём ты бредишь, какой подарок? – спросил он спросонок, не видя Х-арна, и направился к реке. Зайдя по колено, он поплескался, вытер руки о шкуру и, вернувшись, только тогда увидел Х-арна. Внимательно на него посмотрев, он перевёл взгляд на Кентавра и понял, что тот пьян.

– Твоя работа, Кэсс? – спросил Лодочник Кентавра, кивнув на Х-арна.

– Наоборот, моя работа! – с вызовом ответил Х-арн.

– Ну что ж, с тобой и поговорим, – сказал Х-арну Лодочник, смерив его взглядом. – А ты, Кэсс, собирайся на другую службу. Опять отдам тебя к амазонкам.

Кентавр вздрогнул и театрально схватился за сердце.

– Да что же это такое, Х-арн? – воскликнул он, истерично взвизгнув.

– А ты, Х-арн, выбрал сам свою судьбу. И помни, я тебя предупредил. Ждите меня здесь. Я сейчас перевезу людей и займусь вами.

«Глупый Лодочник, – думал Х-арн, – он не понимает, что Х-арн уже переплыл реку, что Х-арн не собирается ждать своей участи. Так он и будет ждать твоего приезда. Так я и буду ждать, когда ты с меня живого шкуру спустишь, или ещё чего доброго...» Тут Х-арн увидел Лидию. Со вчерашнего дня, когда он видел её в последний раз, прошла, казалось, целая вечность. Ощущение было, что он пережил несколько жизней и вот, после очередных трудоёмких витков, он встретился, наконец, с той, о которой всегда мечтал. Трудно было поверить, что одна ночь могла так изменить женщину. По лицу её, по тёмным кругам под глазами, было видно, что она провела бурную страстную ночь. Она блаженно улыбалась, шурилась на уже ставшее ярким солнце, и весь её светящийся облик словно говорил: «Вот так-то, милый Х-арн, есть на свете мужчины и есть не-мужчины». Кого она имела в виду как мужчину, ясно было и дураку. Даже пьяный Кентавр, который явно относился к отрицательной категории, даже он устался в восхищении на преображённую женщину. Лидия плавно сошла со ступенек и пошла к тому месту, откуда недавно отчалил Лодочник. Это была жена. Библейская жена. Жена Моисея, или жена Давида, или жена Саула. Это была верная жена: Рахиль, Изавель, Сара. Это была жена, которая с утра до вечера будет ждать своего мужа. Это была женщина, которая всю жизнь мечтала быть женщиной, стать женщиной и, наконец, стала женщиной. И, ставши женщиной, она теперь будет сидеть у этой реки и ждать своего мужчину, чтобы до утра проводить с ним ночи в бурных страстных объятиях, распахивающие всё её существо, как плуг распахивает поле, чтобы оно принимало семена, рожало урожаи, кормило голодный народ.

«С ума сойти, – думал ошеломлённый Х-арн. – Можно подумать, что ей семнадцать лет. Она свихнулась». Но в глубине души его душила зависть. Зависть к этому мерзавцу, не только отнявшему у него жену насильно, физически, но отнявшему, что страшней, у неё веру в него, в Х-арна.

– Лидия! – с таким жарким восхищением шептал Кентавр, который как устался в спину женщины, так больше и не сводил с неё взгляда.

«О Господи! – с тоскою подумал Х-арн. – И этот туда же».

О как его душила зависть. Никогда он не видел Лидию такой, за все почти двадцать лет их супружества. Как он мечтал, чтобы хоть однажды у неё было такое же блаженное от любви лицо, излучающее какое-то всеобъемлющее счастье. Но ничего подобного не случилось. Ни роскошные платья, ни вечера с дипломатами, ни новая машина, ни новый кооператив – ничего, ничего, ничего. Ссоры, обиды, слёзы. И новой, ещё сильнее прежней, ненавистью к Лодочнику вспыхнул Х-арн. Ненавистью к тому, кто не только отнял у него любимую женщину, но и обладает тайной сделать её счастливой. Х-арн любил Лидию. Сейчас как никогда она была ему не просто желанна, но необходима до страшного отчаяния. Чаша Х-арна переполнилась. Он дошёл до предела. Он пережил ночь в лесу. Он был брошен женщиной. Он переплыл реку. Он снова нашёл эту женщину, ещё прекрасней той, которой был брошен. Он хочет владеть этой женщиной, и он будет ею владеть. Он переплыл реку. Он перешёл Рубикон. Он бросил жребий. Он объявил войну Лодочнику. Но если он разрешит ему высадиться на этот берег, он, Х-арн, эту войну проиграет. Есть ли смысл затевать войны, чтобы их проигрывать? Нет, ему не одолеть этого гиганта. И дураку ясно, что с Лидией бесполезно сейчас разговаривать, она его не замечает. Только силой, только силой! Только силой можно увести такую женщину. И, не раздумывая больше, в три прыжка Х-арн подскочил к Лидии, стоявшей на берегу и глядевшей, как Лодочник отталкивает с того берега переполненную людьми лодку и, схватив её за руку,

поташил за собой по дороге, чтобы спрятаться в лесу. Бешенство, и ненависть, и ревность придали ему сил и, как ни сопротивлялась Лидия, он всё же тащил её довольно быстро. До леса осталось несколько метров. Главное – спрятаться, а там будет видно, что-нибудь придумаем. И вдруг мощный удар в голову бросил Х-арна на землю: перед глазами мелькнули копыта, серая вылинявшая шерсть в подпалинах. Он услышал крик Лидии и, приподнявшись, успел увидеть уже помутневшим взором Кентавра, который, перекинув женщину, как мешок с деньгами, за голову, держа её у загривка, галопом мчался вниз по дороге.

У Х-арна всегда было ощущение, что ему так просто не отделаться: он всё время нервно смотрел по сторонам, то и дело одёргивая Лидию, чтобы она не гнала так быстро. И почему они всё время в машине ссорились? Ещё вчера она проклинала свою мать, сегодня, когда это делает он, она её защищает с глупым упрямством. Тоскливо стало у него на сердце, когда они, наконец, свернули с Загородного проспекта в зону городской черты. Он всегда ей говорил, когда они ругались: «Вот врежемся, когда-нибудь и помириться не успеем». А сейчас было лето, они возвращались с дачи, в открытые окна машины влетал тополиный пух, и Х-арн уже несколько раз снимал его с головы Лидии. Она сегодня утром была у парикмахера и сделала модную короткую стрижку. Причёска эта нравилась Х-арну и сейчас, снимая с волос Лидии пушинки, он думал о том, что ему очень нравится причёска Лидии и очень не нравится с ней ругаться. Что за бес в нас вселяется в машине? Что за бес вселяется в эту женщину в самые неподходящие, в самые праздничные минуты? Мы едем в Дом учёных на просмотр нового американского фильма, говорят, это классный фильм, много секса и всё такое. И ничего этого не вырезали. Главбух Лидии видела этот фильм три года назад в Марокко и говорит, что там три минуты идёт чистый стриптиз. Они едут с Лидией смотреть фильм, смотреть секс и прочее, они едут смотреть три минуты чистого стриптиза, он достал сегодня по дешёвке пятьдесят литров бензина, она сделала сегодня дорогу и модную причёску. Причёска очень нравится Х-арну и нравится Лидии. Тёщи сегодня на кинопросмотре не будет. Ну что ещё надо человеку для счастья? Он так и хотел ей это сказать, одурев от жары, от скандалов, от трёх кружек ледяного пива. А вместо этого сказал резко, сердито:

– Ну ладно, хватит. Останови. Я сам сяду за руль. – Предчувствие, что ли, у него было. Верьте, верьте своим предчувствиям. Но в Лидию, действительно, вселился бес. Она озлобилась, хотя он ничего такого особенного не сказал.

– Облезешь! – ответила она и нажала на акселератор. – От тебя пивной бочкой пахнет, за руль он сядет.

– Да куда ты, дура? – заорал Х-арн, хватаясь за руль: он хорошо водит машину и чутьё подсказывало ему, что на зелёный они уже не проскочат.

– Жёлтый! – крикнула Лидия, ударив его по руке. – Отстань! – и проскочила на жёлтый, который тут же сменился красным сигналом. С чудовищной скоростью вырулил справа грузовой автомобиль, один из тех, что носятся сломя голову по городу. Он не затормозил перед светофором и помчался на зелёный свет. Х-арн увидел раскрытый рот шофёра и услышал звон лопнувших стекол. А потом запели ангелы, о которых всё время твердила тёща, говоря, что они поют ей во сне. Ангелы пели точь-в-точь, как хор мальчиков и девочек из Центрального Дома пионеров. Х-арну даже показалось, что он увидел стоящего перед микрофоном запевалу, мальчишку в идеально отглаженных тёмно-синих брючках, в белоснежной рубашке, в идеально отглаженном шёлковом пионерском галстуке. И этот мальчик был он, Х-арн, это он пел в Центральном Доме пионеров. Это он был запевалой и сейчас, подняв руку в строгом, идеально отработанном салюте, он, звонким голосом, перебивавшим звон лопнувших стёкол, пел какую-то одну из торжественно-клятвенных песен. И теперь, умирающий в расплюсненном автомобиле, раздавленном многотонной массой грузовика, Х-арн понял, что ни он, ни Лидия, ни хор мальчиков и девочек из Центрального Дома пионеров этой клятвы своей не сдержали.

А ангелы всё пели в треснувшей голове. Ему казалось, что он пролежал вечность. На самом же деле он пролежал на пыльной, уже разогретой лучами солнца дороге всего несколько секунд. Когда он поднялся – хор мальчиков и девочек в идеально отглаженных костюмчиках и галстучках всё ещё пел свою траурную песнь. Кентавра с Лидией уже не было видно за поднятым облаком пыли. А плывущая к этому берегу лодка была уже на середине реки. И Х-арн понял, что всё решают несколько мгновений. Лук и колчан со стрелами. Слегка пошатываясь, он вбежал в дом, сорвал со стены лук. Вытащил дрожащими пальцами из колчана стрелу. Стрела упала на лежанку. Он вытащил вторую, потом суетливо схватил с лежанки первую – на всякий случай – и взял в зубы. Выскочив из домика, он бежал к реке, на ходу стараясь попасть прорезью хвоста в тугую тетиву «И воссела...» Без паники! «И воссела медно-острая...» Без паники. Без паники. Наконец он сумел насадить стрелу. Челюсти его сжимали вторую стрелу так, что казалось, она сейчас хрустнет. Стрела сидит на тетиве прочно, стык в стык. Он успел заметить ещё, что наконечник стрелы стальной, остро заточен и сверкает, как блесна. Крупными, твёрдыми шагами, словно его несла какая-то отчаянная сила, Х-арн шёл навстречу приближающейся лодке, натянув до предела лук, не спуская глаз с Лодочника. Расстояние между ними было не больше двадцати шагов. Лодочник видел, Лодочник спешил, он испугался. Он мощно гребнул, чтобы выпрыгнуть из лодки и опередить Х-арна. Может быть, он и опередил бы его: Х-арну хотелось натянуть лук ещё сильнее, но тут он наступил ногой на что-то пискнувшее, споткнулся и в падении отпустил тетиву. Лодочник раскрыл рот, чтобы крикнуть, и не успел. Он поднял весло, чтобы защититься, но стрела опередила предохранительный жест. Непостижимо точно, коротко взвизгнув, она хлётко впиалась Лодочнику в горло. Именно туда, куда метил до того, как споткнуться, Х-арн. Если бы он не попал, Лодочник раздробил бы ему веслом голову. Сила ли инстинкта спасла Х-арна, никогда не державшего в руках лука, случайность ли сослепу направила верно руку – трудно сказать. Кто-то из людей в лодке истерично крикнул. Лодочник выронил весло и, посинев лицом, схватился руками за стрелу. Видимо, он хотел её вырвать, но пальцы его, конвульсивно сжав смертельное жало, лишь сломали оперение. А лодка, продолжавшая по инерции двигаться, наконец, ткнулась носом в берег. Толчок совпал с падением Лодочника, который, с измазанной кровью шеей, свалился, перевесившись через край лодки, лицом в воду. Х-арн застыл. Он даже забыл опустить руку с поднятым луком и так и стоял, как реалистический памятник лучнику, убивающему дичь. Как памятник, вызывающий ужас и презрение у вегетарианцев. Наконец Х-арн очнулся. Он увидел, что люди в лодке сидят, не сводя с него боязливых, покорных глаз. Он вдруг сообразил, что по-прежнему держит в зубах запасную стрелу и это, наверное, пугает сидящих. Все они молчали, боясь пошелохнуться. Только не боялась пошелохнуться вода: она с резвым плеском билась в борта лодки, играя длинными волосами мертвого Лодочника. «А что это пискнуло под ногами?» – вдруг сработало дождавшееся своей очереди подсознание Х-арна. Он взглянул вниз. Бедная мышка! Он раздавил лесную мышь. Глупая, ты сама попала под ноги. Глупая? Отнюдь нет. Может быть, ты спасла меня, о мышь! Может быть, благодаря тебе мой череп не треснул под веслом Лодочника. Что бы там ни было, спасибо тебе, мышь. Несколько глубоких минут прошло в напряжённом молчании. По-прежнему, боясь пошевелиться, сидели люди в лодке, не сводя потрясённых взглядов с Х-арна. По-прежнему негромко плескалась вода у лодки. По-прежнему, вытянув лапки, с окровавленной мордочкой лежала у ног Х-арна спасшая ему жизнь мышь. А потом напряжение лопнуло бесшумно, как нарыв. Челюсти Х-арна, всё ещё сжимающие стрелу, свело судорогой, он бросил её на землю, растирая энергично лицевые мускулы. Люди зашевелились, завздохали, заойкали. Х-арн нагнулся и, взяв руками мышь, отнёс её на край дороги, чтобы не затоптали.

– Выходите, – велел людям Х-арн. – Выходите, не бойтесь. Идите своей дорогой: прямо и вниз. – Он махнул рукой. Люди покорно вылезли и, попрощавшись взглядом с противоположным берегом, запыхали босыми ногами.

Х-арн остался один. Он бросил лук, сел на землю, перестав видеть окружающий его мир. Бессмысленно набрал он горсть пыли и стал пересыпать её из горсти в горсть, как это делают дети в песочнице. То, что раньше было щебнем и ранило в кровь живое человеческое мясо, теперь легко и нежно струилось из одной чаши ладоней в другую. Солнце уже стояло над лесом, начиная накаливать воздух и снова Х-арну почудилось, что он, совсем ещё юный, находится в какой-то жаркой стране, где солнце печёт уже с утра, и надо успеть закрыть ставни, чтобы сохранить хоть часть ночной прохлады. О, если бы всё это оказалось сном, чудовищным, кошмарным сном и он проснулся и очутился бы дома, в своей квартире на тринадцатом этаже, откуда открывается чудный вид на берёзовый лесок внизу, сдавленный и чуть расплюснутый гигантскими домами. Ах, этот милый, хрупкий лесок, где по утрам выгуливаются раздобревшие на мясных вырезках, на сосисках, на ливерной колбасе, на мозговых костях, на бараньих косточках, на сливочном масле, на крепком кофе, на молочных коктейлях со сперматической вытяжкой – чёрные и белые пудели, спаниели и колли, шлюхообразные болонки, с провалившимися носами японские хины, брюхатые овчарки, малюсенькие, карманные, висающие на пальцах, как обручальные кольца «сяо-сяо». Все эти милые, ухоженные, дорогостоящие твари, которых совершенно не касаются излишки человеческой ненависти и недостатки продовольственной программы. И эта трёхкомнатная квартира с музейной мебелью, с музейными сервизами, с музейными картинами, с музейной библиотекой в музейном кабинете с музейным резным инкрустированным столом. И всем этим он так толком и не попользовался, как не попользовался и дачей: приобретал, доставал, покупал, бегал, продавал, сутился, боялся, скандалил, умирал от страха, умирал от наслаждения. И Лидия, которую он только теперь разглядел и оценил. Но не было ли все это сном: квартира, Лидия, дача, тёща? Его номенклатурная должность, смысла которой он так и не понял, ни смысла, ни характера, ни цели? Не было ли это всё сном, а реальность – всё это, что происходит с ним сейчас? Что было реальностью? Автомобильная катастрофа? Лидия, с которой он в трущобной хламиде проделал гигантский изнуряющий путь, рука об руку до самой реки? И эта река, и тот Лодочник, и его переправа на эту сторону? А если это не реальность то, что это? Вот он, Лодочник. Лежит, свесившись через борт лодки, головой в воде, в страшно неудобной позе, и мухи со слепнями уже облепили его мощные загорелые икры. А на том берегу ходят ожидающие своей участи люди, и ещё вчера он был одним из них, только меченый невидимым клеймом. Ещё вчера. Х-арн встал и, подойдя к лодке, поглядел на убитого. Острое чувство жалости при виде этого зрелища смешалось с чувством маскарадности всего происшедшего. Но через мгновение эти два чувства сменились глубоким, заставившим Х-арна задохнуться чувством трагичности его судьбы. Но и это чувство, потрясшее всю его душу, сменилось через какое-то время просветлённым чувством неизбежности... чего? Сущности? Бытия? Участи? Да, своей участи, своего бытия, своей – жизнью и смертью завоеванной Истины. Это был катарсис, и слёзы, как положено при катарсисе, слёзы, которые ничем, никакой силой воли не сдержать, текли по лицу Х-арна. Никогда так Х-арн ещё не плакал, разве только в детстве, страшно обиженный чем-то, потрясённый вопиющей несправедливостью. Но ведь это было так давно и вдруг оказалось так близко. Х-арн рыдал, упав в воду, ухватившись за борта лодки, а голова убитого Лодочника послушно кивала на заходивших волнах, как бы одобряя само это рыдание. И плеск-плеск-плеск – рукоплескали волны этой странной человеческой судьбе. Х-арн поднялся и перевалил мертвеца за борт лодки, а потом, взяв под мышки, выволок его из воды на сушу. Лодочник лежал на спине, измазанный грязью и кровью, с торчащим в горле обломком стрелы. Россыпь ослепительных бриллиантов запуталась в его усах и бороде. Да. Лодочник был красив, красив как Бог. Х-арн изумлённо всматривался в это спокойное олимпийское лицо, античную архитектуру тела. Святой Себастьян он, что ли, с этой обломанной стрелой в горле? Но мёртвые требуют погребения. Х-арн сходил в домик и нашёл там маленькую саперную лопатку. Грунт был рыхлый. Х-арну без труда удалось вырыть яму. Он перетащил к ней мёртвого, сняв предварительно

ремень с кожаным мешочком. Яма была достаточно глубока, и Х-арну удалось столкнуть в неё Лодочника так, что он упал почти ровно, на спину. Через некоторое время, утопав землю на могиле, Х-арн рядом с ней вырыл маленькую ямку и похоронил в ней ещё одно существо – раздавленную им мышь. Отнёс лопату на место, вымыл тщательно в реке руки. Потом надел на себя всё снаряжение убитого.

На том берегу уже собралась большая толпа. Но люди, как и все, кто приходил к этой реке, не кричали, не возмущались, не звали Лодочника. Молча и покорно ждали они, когда за ними приедут: готовые ко всему, готовые к самому худшему. Все – в одинаковых одеждах из грубой мешковины, зажав в ладонях единственный свой рубль. Пора было приниматься за дело. Х-арн поправил ремень, в точности повторив жест убитого Лодочника, оттолкнул лодку, взял в руки весло. Солнце уже напекло голову. Снова косыми серебряными паутинками заволокло воздух, и это мгновение напомнило ему, как ещё вчера он бережным движением снимал их с тела Лидии, подув, вновь пускал по ветру. Но только на мгновение. Впереди, на том берегу его ждали люди. И берег приближался, и вставшие навстречу люди с суровыми, покорными, терпеливыми лицами вглядываясь в лицо Лодочника, ожидая прочесть на нём знаки грядущей судьбы.

Дельфин просыпается

1

Когда Юрий очнулся, солнечных пятен на стенах комнаты уже не было; она, как аквариум, была наполнена густым маслом сумерек, в тягучую глубину которых медленно погружалось тело Дельфина, уносящего с собой невесёлый прощальный смех.

Холодильный цех жужжал, как надоедливая муха. В «Авроре», по-видимому, закончился сеанс: внизу, тремя этажами ниже, как в котле, бурлило варево из смеха, выкриков, энергичного стука каблуков. Значит, сейчас либо девять, либо одиннадцать вечера. В тот миг, когда он почувствовал головокружение и сильную дрожь в ногах с острым приступом тошноты, стена, на которую он смотрел (не на стену – на картины в графике на ней), была освещена закатными лучами. Выходит, он находился без сознания около трёх (если девять) или даже пяти (если одиннадцать) часов. Вон девочка с картины смотрит на него из-за колючей проволоки раскрытыми от ужаса глазами, в которых замороженный крик: «Такого с вами ещё никогда...!» Было, девочка, было. Но не так, как сегодня. И тоска была, и острая боль внутри живота, и холод во всём теле, словно внутри него напихали эскимо и обложили льдом. И ощущение одинокости (не той прекрасной одинокости, когда отъединённый от мира, уставившись в себя, как мать, вынашивающая плод, ты связан, как пуповиной, с миром в себе) – а той одинокости, вернее одиночества, которое размером с известный деревянный футляр. В лучшем случае, размером с эту комнатку на Невском над кинотеатром «Аврора». И тоска, и боль, и вечная мерзлота в теле (правда, скоро проходящая), и вот это самое одиночество – то есть всё это бывшее, случающееся, но никогда ещё разом не соединяющееся в коктейль, теперь соединилось, смешалось, и от союза этого родилось ещё одно ощущение: сквозняк в животе. Словно в нём дырку просверлили. Но нет... неужели? НЕУЖЕЛИ?! Юрий уже догадался внутренним чутьём, но сознание ещё цеплялось за привычную форму, не хотело понимать, не хотело соглашаться с пониманием. Но руки, бросившиеся к животу, «крикнули»: «Бланка исчезла!» Девочка-то с картины не случайно... глазами...: «Такого ещё никогда!» Она права оказалась, девочка. Не девочка, нет, маленькая женщина, вцепившаяся руками в ржавую проволоку, с кожей до того тонкой на выпирающих рёбрах, что местами она даже лопнула. Бланка исчезла. До того последнего мига, когда он ещё смотрел на освещённую закатом стену, она была. А теперь вместо Бланки, розовой, так уютно мурлыкающей кошечки, в животе осталась дыра и в дыру эту (невидимую, впрочем, глазу, но осязаемую, как сверлящая зубная боль), вернее, из этой дыры, оттуда, из глубин тайников и подвалов, где она так долго находила пристанище и неплохо работала, потекла его жизненная энергия. Она утекала беспрерывно тоненькой струйкой, текла и текла... Он не только чувствовал, но и видел внутренним зрением эту тягучую струю, густую, как мёд, от жёлто-апельсинового до янтарно-коричневого цвета массу, сразу же растворяющуюся в воздухе, наполняя его необъяснимым тонким сложным запахом, в котором преобладал запах цитрусовых. Юрий попытался закрыть «дыру» руками, но эта тягучая патока текла неудержимо сквозь ладони, сквозь одежду, утечку эту не остановил бы даже бронежилет. Юрия разгерметизировали. Кошечка Бланка, которая так удачно, так ловко была встроена, вмонтирована внутрь живота, в пупочную область, именуемую Хара, кошечка, любимая, взлелеянная, оказалась не игрушкой, не фантазией, не прихотью Дельфина, а жизненно важным элементом – эта пропавшая кошечка даже не подозревала, что с её исчезновением в жизни Юрия происходит (уже произошло, ещё произойдет) поворот на все сто восемьдесят градусов. Этот поворот означает, что Дельфин просыпается.

В первый раз Дельфин появился на белом экране больничного потолка сразу же после того, как Юрий очнулся, выполз наощупь из наркотического мешка, полного цветных видений, когда запах лекарств и тупая боль в затылке сообщили ему, что он жив. Сразу же после первой радости узнавания мира осветился в сумерках экран потолка и на нём появился наполовину высунувшийся из воды дымчатый Дельфин. Он трижды шлёпнул по воде хвостом в знак приветствия, покрутился вокруг оси, показывая, что ему нипочём любые цирковые штучки и разразился беззвучным хохотом. Глазки его при этом так хитро сощурились, словно... Юрию не хватило сил для сравнения. Казалось: этим глазкам, с хитрым прищуром впридачу бы... – не домыслить: закружилась голова. Дельфин закивал, широко раскрыв роострум, выставив для беззвучного хохота многочисленные, великолепно выточенные зубы.

– Думаешь, снюсь? Мимо! Не я тебе снюсь, это ты снишься мне. Ты – моё сновидение. Ты – моя иллюзия, моё воплощение. Но будь осторожен: не разбуди меня. И не давай будить другим. – Он с силой заплескал по воде хвостом и закружился.

– А если тебя разбудят? – с трудом катая во рту свинец, спросил Юрий. – Что тогда?

– Тогда встретимся и поговорим, – Дельфин сделал высокий прыжок и исчез в глубине моря, а вслед за ним исчезло, растворилось на белой стене и само видение.

А может быть, эта первая встреча состоялась не в палате, а на берегу моря? Ну, конечно, на море. И непременно в Коктебеле, у подножия Кара-Дага. Юрий даже помнил, что рядом, в двух шагах от него, лежал серый гранитный валун, обломок скалы, разрисованный каким-то весёлым художником.

Несомненно, первая встреча состоялась в Коктебеле, а не в больнице. Впрочем, неважно где. Дельфин появился и предупредил. А главное – результатом его прихода осталась вмонтированная хитроумным Дельфином в пупочную область эта самая розовая кошечка, которую Юрий назвал почему-то Бланка. Несколько собачье, правда, имя, но ничего. Ему нравилось. Главное – устраивало обоих. Никакой реакции отторжения. Жила и всё. Там, внутри. Большую часть времени спала, уютно свернувшись клубком, всё время мурлыкая, словно напевая. И это певучее «мур-мур-мур» было сигналом для Юрия, что у него в организме всё в порядке. И на душе. Вернее, в первую очередь, конечно, на душе. Но и в организме. Бланка была своеобразным оригинальным индикатором. Как хорошо было в такое «мур-мур-мур»-время, как спокойно. Как работалось. Не то слово: работалось – творилось. Творилось! Пелось! Любилося! Но было и другое: Бланка просыпалась, начинала беспокойно ёрзать, выпускала коготочки, остро цепляясь ими за внутренности. Шерсть её взъерошивалась, выгибалась дугой спина. В такое время на душе становилось тревожно, руки опускались, жить не хотелось, ибо утрачивался жизненный смысл. Проваливался куда-то к чертям собачьим и ищи его там, среди хриплого лая бешеных псов. Юрий становился раздражённым, агрессивным, язвительным, об него можно было очень больно пораниться, причём раны долго не заживали, как от рыбной кости. Что делалось внутри живота – не передать. Бланка бесилась. Хотелось разорвать руками живот, вырвать её оттуда, как вшитую ампулу, и шмякнуть её об пол, о дверной косяк с размаху, об стену, чтоб прилипла к ней, как мокрая тряпка. Всего страшнее были эти приступы: он потом долго отходил. Тошнило, трясло в ознобе, мучительно сохло горло, а главное – не работалось, не только не творилось, просто не работалось, не мастерилося даже, словно зашит в тесном тёмном кармане и нечем дышать. Потом проходило. Бланка вылизывала шёрстку, лапки, мордочку, «умывала» глаза, чесалась за ухом и, наконец-то – её певучее «мур-мур-мур». И вот этот переход от того карманного, затхлого, душного, где ни одной форточки, к этому солнечному с простором, со свежими потоками чистого, родникового... Ах! Это самое... самое мучительно-сладостное, сладострастное что ли? Нет, не сладострастие, а лучше, объёмнее, пронзительнее и дольше, главное – дольше, несравненно дольше (порыться бы в словаре, поискать это

слово, да не до того теперь). Теперь надо подняться с дивана, включить свет, найти мобильник и позвонить. Сделано. Поднялся, включил, позвонил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.